

Дарья Гущина

Проклятые места

18+

Семиречье

Семиречье

Дарья Гущина

Проклятые места

«Автор»

2023

Гущина Д.

Проклятые места / Д. Гущина — «Автор», 2023 — (Семиречье)

Запели в Первый день весны колдовские реки, и от их голосов пробудилось то, что к ночи поминать не следует. Поднялось со дна колдовской протоки забытое зло. Треснули гробы на заброшенных кладбищах. Зажглись на островах зловещие голубые огни. А древние дома оскалились опасными тайнами. Проклятые места Семиречья ждут смельчаков. Праколдуны оставили своим потомкам не слишком приятное наследство. Четвёртая книга цикла «Семиречье».

© Гущина Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Дело 1: Сорок восьмой причал	5
Дело 2: Прах к праху	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Гущина

Проклятые места

Дело 1: Сорок восьмой причал

– Матушка, что происходит?

Вторую неделю Рьен заходил в чайную в разное время – и утром, и днём, и вечером, и даже между общепринятыми перерывами на обед, – и никак не мог застать матушку Шанэ на работе. А служанки отчего-то отводили глаза и дружно повторяли, что хозяйка очень занята. В конце концов пресловутая чуйка Рьена повела носом, наострила уши и напряглась.

Ибо лишь по двум причинам матушка бросала любимую чайную: первая – семья, вторая – призраки. В семье (Рьен не поленился заглянуть к Данэ) всё было в порядке. Значит, призраки. А если вспомнить, какими именно призраками занималась матушка Шанэ, повышенная её занятость указывала на несомненное: что-то грядёт. И явно неприятное.

Взвесив все «за» и «против», Рьен пошёл на хитрость и отправил матушке туманного содержания письмо с просьбой встретиться и обсудить один важный момент. Через час матушка коротко отписалась: жду, мол, после закрытия чайной – то есть после девяти. Рьен явился ровно в девять и застал матушку Шанэ непривычно взъерошенной, встревоженной и уставшей. Забеганной. И, конечно, с порога же строго спросил:

– Матушка, что происходит?

– Да ничего, сынок, – она легкомысленно улыбнулась, расставляя на столе поздний ужин – овощи с грибами, тушёную рыбу, дымящийся чайник.

– Меня-то не обманывайте, – упрекнул он, снимая шляпу. – Не первый год знакомы. Вы сейчас выглядите как в тот последний день Мёртвого времени, когда ждали нападения опасного призрака.

Матушка вздохнула и опустила глаза.

– Я ведь всё равно узнаю, – мягко предупредил Рьен, расстёгивая пальто. – Но позже. И поэтому не смогу вовремя вам помочь.

– Но ты и не должен, – неожиданно жёстко ответила матушка и поправила салфетки. – Это не касается убийств или нераскрытых дел.

– Уверены? – прищурился Рьен.

Матушка Шанэ упрямо вздёрнула подбородок, открыла рот, но не произнесла ни слова – поняла, что попалась.

– Некрасиво, сынок, – устало попеняла она и села за стол, налила себе чаю.

– Древние призраки, – Рьен кивнул. – Только они не касаются ни отдела убийств, ни иных нераскрытых преступлений. Так?

Он тоже устроился за столом, внимательно посмотрел на притихшую матушку и примирительно добавил:

– Не обижайтесь. Это ведь *наши* призраки. Это северная тьма. Это наши духи – и наши проблемы. И это неправильно, что большие северные проблемы решает одна маленькая и немолодая южная женщина. Да, у вас есть обязательства перед даром, да, вы любите Север и Семи-речь, но это наши предки создали и накопили столько проблем. И вы не должны разбираться с ними в одиночку. Неужели мы вообще ничем не можем вам помочь? Не верю. Наверняка можем, просто вы или стесняетесь... или боитесь.

Матушка Шанэ размешала в чашке мёд и тихо предложила:

– Поужинай, сынок. Конечно, ты прав. Во всём. Поешь. А я подумаю, с чего начать.

Рьен весь день мотался по совещаниям и хватал куски, поэтому не стал спорить и с удовольствием отужинал. А матушка закуталась в шаль, откинулась на спинку стула, подумала и начала издаലെка:

– Через три года Семиречью исполнится семьсот лет. Чудесная дата. Когда я обустроилась здесь и приступила к службе, то спросила у своей предшественницы, тётушки Лимэ, как давно южане присматривают и за Севером, и за Семиречьем. Тётушка сказала, что основательно, подбирая и обучая преемников, примерно лет четыреста. А началась наша служба с южанина по имени Зитрэ – его первым позвал город. В своих дневниках Зитрэ писал, что Семиречье снилось ему каждую ночь, и каждую ночь он духом прилетал в город, бродил по его улочкам, дышал реками. Однако Зитрэ ничего не знал о Семиречье, ни разу не был на Севере и никак не мог понять, что это за город, в котором скопилось столько неуспокоенных.

Рьен взял чашку с чаем и тоже откинулся на спинку стула. Эту историю он ещё не слышал.

– Через луну Зитрэ понял, что покоя ему не будет – сны-путешествия высасывали из него силы, он слабел день ото дня. Тогда в очередном сне он попросил о передышке, пообещал прийти, и город отпустил. А Зитрэ поговорил со своими родственниками и друзьями, описал сны и узнал название города – Семиречье. В тот же день Зитрэ нашёл город на карте, собрал свои вещи и отправился в долгий путь на Север. Примерно так же, сынок, здесь появилась и я – меня позвали реки. А когда я приехала, тётушка Лимэ, хотя мы не родственницы и моё пламя ещё не определилось с направлением работы, уже обо мне знала.

Матушка Шанэ придвинула к Рьену корзинку с печеньем и снова зябко закуталась в шаль.

– Хочешь – верь, сынок, хочешь – нет, но у Семиречья есть душа – древняя, сильная, знающая. Предвидящая. И когда надвигается буря, город чувствует беду и зовёт на помощь тех, кто способен ему помочь. И восстанавливает на старых домах древнюю защиту от призраков, да столь мощную, что ей нипочём ни реки, ни туманы. Ты заметил, что с осени мы постоянно натываемся на древнюю защиту?

– Заметил, но не посчитал важным. А должен был, – признал Рьен.

– И я должна была, но тоже не придавала этому значения, – кивнула матушка. – И совершенно случайно упомянула о защите в беседе со служителем храма. Вот он-то, да хранят его великие пески, напомнил мне об очень важных моментах. У Семиречья есть душа. Ему скоро семьсот лет. А мы присматриваем за ним всего-то лет четыреста.

– Девочка-хранительница из дела о картинах и слепках бережёт свой род около пятисот лет, – задумчиво сказал Рьен. – По словам Иххо, девочка обитает в колдовском портрете, то есть пятьсот лет назад хотя бы остатки умений для работы с призраками на Севере были. Но раз мастера Зитрэ так отчаянно позвали на помощь, то именно что остатки. Осколки прежних знаний и сил. И что скопилось в Семиречье хотя бы за те примерные сто лет, когда южанин ещё не приехал, а северные колдуны уже потеряли способность видеть призраков и противостоять им...

– Верно мыслишь, сынок, – улыбнулась матушка Шанэ. – Скопилось. И, к сожалению, забылось – потерялось во времени. Когда-то эти места называли проклятыми и обходили их стороной. И даже говорили о них шёпотом, а после вообще предпочли забыть, дабы не будить уснувшее. Но реки звенят по весне не только для колдунов. И однажды они всё-таки разбудят.

– Вы собираетесь опередить звон рек? – Рьен проницательно посмотрел на матушку. – Почему именно сейчас? Почему не год, не два, не пять лет назад?

– Мой дар затухает, – тихо ответила она. – Неделю назад реки зазвенели, а я их едва услышала. Я слишком долго живу вдали от дома. Нас, нездешних, затухание настигает всегда неожиданно... и всегда обязательно. Пришло и моё время. Ещё год-два, сынок... и всё. Сил останется лишь на бытовую мелочь да самых наглых припугнуть. Я так жалею, что боялась браться за эти проклятые места раньше...

– А город возрождает старую защиту от призраков, – Рьен старательно удерживал разговор в нужном русле. Зная, что гордая матушкина душа не нуждается даже в сочувствии, и ободрения с благодарностями ей не нужны. – Вы, конечно, уже нашли преемника, но оставлять его один на один с древней северной тьмой не дело.

– Я хочу успеть найти и вычистить хоть пару гнёзд, – взгляд матушки Шанэ снова стал жёстким. – И я найду и вычищу. Пару я знаю. А остальные служители храмов обещали поискать.

Рьен наконец-то взял печенье и улыбнулся:

– Легенду рассказать? От моего деда-колдуна? Мьёл, кстати, тоже в курсе. Все колдуны слышали об этом проклятом месте.

– Внуча, у нас такое дело! – мастер Гьюш, как обычно, возник из ниоткуда. Светлые глаза призрака сияли и искрились возбуждением.

Иххо собиралась уходить, но при виде архивариуса развязала шарф и взялась за пуговицы уже застёгнутого пальто.

– Какое дело? – спросила она осторожно.

– Идём за мной, – мастер Гьюш махнул рукой. – Я кое-что подготовил, но одному мне всё это не унести. Да и наверх из-за защиты от призраков не подняться.

Иххо стало не по себе – это что же за преступления, если неутомимому призраку не справиться с папками в одиночку?

– Это потеряшки, внуча, – успокоил архивариус, первым устремляясь по коридору к отделу общих правонарушений. – В Семиречье много-много потеряшек. Тех, кто однажды ушёл из дому да и сгинул без следа. Заявления о пропажах у нас столетиями копились. А теперь мы можем закрыть сразу столько дел...

– Вы знаете, где все эти люди пропали, да? – девушка едва поспежала за шустрым призраком.

– Сорок восьмой причал, – со значением ответил мастер Гьюш и замедлил шаг. – Слышала?

Сорок восьмой, сорок восьмой... Иххо повторила про себя номер причала несколько раз и с удивлением поняла: да, слышала. А спустя пару минут поняла, от кого и где – от девочек из музыкального училища, когда они собирались по вечерам в развалинах, жгли костёр, жарили на прутиках хлеб и рассказывали страшные истории. Правда, вспомнилось только название страшилки. А вот суть...

– Что-то слышала, но давно, – призналась она смущённо.

Архивариус кивнул и начал:

– А дело, внуча, такое. Одна из обязанностей Речного ведомства – весной обследовать причалы и составлять причальную карту для лодочников. Воды-то беспокойные, уровни подьема всегда разные. Бывало, из двадцати причалов десять напрочь затапливает, и даже к лету их не видать. А бывало, давно затопленные подымались и признавались годными. Или же новый удобный участок под причал находился, но сейчас это уже большая редкость. Все берега речниками наизусть выучены. И все причалы, даже затопленные, помечены. И все, на каждом острове, давным-давно подсчитаны.

Впереди замерцали жёлтые светильники отдела общих правонарушений. Мастер Гьюш остановился, серьёзно посмотрел на Иххо и закончил:

– Так вот. На самом большом нашем Втором острове ровно сорок семь причалов. Ни больше ни меньше. Как думаешь, откуда он взялся – сорок восьмой?

Иххо подумала, поёжилась и неуверенно предположила:

– Это Призрачный причал?

– Близко, – улынулся архивариус. – Догадок много, и большинство думает как ты. Что это Лодочник иногда показывается – не даёт смертным забыть о себе и о Мире вечных вод. Напоминает, что жить надобно праведно, честно, и тогда загодя зашумит, предупреждая о скором отбытии, твоя река, и дела свои сделать успеешь, и Лодочник тихо во сне заберёт.

– А на самом деле? – насторожилась девушка.

– Сорок восьмой причал забирает живых, – твёрдо сказал мастер Гьюш. – Все, кто его видит, пропадают бесследно. И посему вряд ли это Лодочник. Духу-хранителю тела не нужны, он души, своё отжившие, забирает. Нет, внуча, это чьи-то тёмные происки. Чья-то злая воля. Причал всегда появляется в разных местах. Табличку с номером многие видели. А вот тех, кто ступил на старые причальные доски, уже нет. Они исчезали навсегда, даже тел не находили. Даже вещей. Я слышал, последние лет триста причал вроде как никому на глаза не попадался... но это вроде как, внуча.

– Попадался, но рассказать о нём было некому, – поняла Иххо.

Пользуясь остановкой, она сняла шарф, шапку и пальто, оставив вещи в ближайшей рабочей нише.

– Колдуны прошлого за ним охотились, – добавил призрак. – Предупреждали людей смотреть в оба и оповещать о причале, но он всегда ускользал. И, наверное, из-за этого и стал реже появляться. Реже – да там, где народу мало, а колдунов и вовсе нет.

– Но если тогда не нашли, разве мы сейчас найдём? – усомнилась Иххо. – И зачем мастеру Рьену этот сорок восьмой причал?

– А он не только мастеру, думается, нужен, – подмигнул архивариус. – А не нашли, потому что не искали как следует или не хотели находить. Идём, внуча. Надо хотя бы часть дел твоему начальнику наверх отнести. Ну а остальное... Подумаем, где временно пристроить.

Рьен почти не удивился, когда поутру застал в своём кабинете гору папок на столе и зевающую Иххо в кресле.

– Сиди, – он приветственно кивнул и снял пальто. – Посылка от нашего архивариуса? И по какому поводу?

– Сорок восьмой причал, – серьёзно ответила Иххо. – Мастер Гьюш утверждает, что вот это всё, – она указала на пять высоких стопок, – дела людей, которые увидели причал и пропали без вести. И не только они, – девушка устало протёрла глаза. – Внизу ещё шесть столов с такими же стопками, но пока мы все документы из общих правонарушений к нам перетаскали... Мастер Гьюш переживал, что иначе правонарушения раньше времени забеспокоятся. И кое-какие дела он ещё у нас обещал к утру найти.

Рьен хмуро посмотрел на стопки дел и качнул головой. Надо же... Он-то, не особо веря в таинственный причал, всего несколько часов назад говорил о нём как о страшной сказке Семиречья, а уже к утру сказка стараниями архивариуса начала превращаться в непостижимую реальность.

– Мастер, а зачем вам этот причал? – неловко поинтересовалась девушка.

– Нам, Иххо, – поправил Рьен. – Нам. Матушке Шанэ. И тебе тоже – ты же часть команды. Так, ты завтракала? Сходи домой и поешь. Парни после изучений захоронения и бесконечных отчётов немного не в себе, поэтому я разрешил им приходить после двенадцати. Иди отдохни. Даже поспать успеешь. Если опоздаешь, ничего страшного. Без тебя не начнём.

– Всё остальное в ближайших к нашей лестнице рабочих нишах, – сообщила Иххо и неудержимо зевнула.

Когда она ушла, Рьен бегло просмотрел несколько дел, посуровел и отправился в архив. И, кроме обещанных шести столов, обнаружил заполненный наполовину седьмой и мастера Гьюша с очередным ворохом папок.

– Утречка доброго, мастер, – призрак отчего-то заробел и смущённо улыбнулся. – Вот, работаем...

– Доброго, – Рьен хлопнул по ближайшей стопке дел и прямо спросил: – Вы верите в сорок восьмой причал?

– Знаете, раньше не особо верил, – признался архивариус, аккуратно складывая папки на стол. – Всякие подозрения возникали, когда я старые нераскрытые дела о пропавших людях от скуки перебирал. Я же, почитай, пятьдесят лет при сыскниках отслужил. Не может же быть, думал я, чтобы они так плохо работали. У вас много заклятий для поисков и хороших колдунов, да и реки шустро выталкивают наружу сокрытое. А я за одно недавнее десятилетие больше тридцати пропаж насчитал. Тогда-то и заподозрил... не причал, но нечто похожее. Колдовское. А вчера мимо одной из комнат проходил, и меня как дёрнуло – причал, сорок восьмой причал... И теперь верю. Прежде я много о нём слышал – что был, он, сорок восьмой, – и вот, доказательства собираю. Вернее... Это, конечно, не доказательства...

– Это повод для проверки, – Рьен сел за седьмой стол и придвинул к себе две ближайшие стопки. – И не только. Вы правы, мастер Гьюш, слишком много людей пропадает без вести. Глава отдела общих правонарушений на годовом совещании упомянул всего лишь о четверых пропавших и ненайденных, но – в этом году четыре, в прошлом пять, в позапрошлом три... Вот и тридцать человек за десять лет, и триста – за сотню. И об этих цифрах все молчат. А если ни по крови близких люди не находятся, ни в реках... Да, это серьёзный повод для проверки.

Хотя, конечно, прошлой зимой они находили пропавших без вести и во льдах на дне реки Тягучей, и в древнем подвале... И таких заколдованных – природой, праколдунами, призраками – мест по всему Семиречью, поди, десятки. И в некотором смысле найти один-единственный сорок восьмой причал сейчас кажется проще, чем все старые колдовские тайники. Да и задача – именно сорок восьмой причал.

Работаем.

Первый час Рьен листал дело за делом, не особо понимая, чем именно они помогут. Причал – легенда. О нём не слышали уже лет триста. Он постоянно перемещается, и его видели в разных местах – на разных реках, у разных островов. Иногда он появлялся поздним вечером на оживлённой набережной, и тогда люди замечали пугающую табличку с номером, которая к утру исчезала вместе с причалом. А иногда – на малонаселённых островах, и тогда утром исчезал человек. И была ли в этом система...

Рьен задумался. Дед-колдун любил повторять, что система есть во всём. Даже в заклятиях, хотя со стороны они напоминают чёрные ручьи или водяные брызги. Даже в названиях островов, хотя приезжие не сразу понимают, почему Второй остров соседствует с Шестнадцатым, Двадцать Шестым и Сорок Седьмым.

Итак, система...

Он достал из ящика писчие принадлежности и снова перебрал дела – благо на седьмом столе было всего-то двадцать папок. Имя и фамилия, пол и возраст, должность и место работы, адрес проживания и семейное положение, когда человек пропал – время года, куда, по сообщениям близких, соседей или друзей, направлялся, кто и где в последний раз видел пропавшего...

Спустя час Рьен изучил таблицы и сделал следующий вывод. Пропавшие – молодые люди обоих полов (в среднем двадцать пять – тридцать лет); жили на небольших островах и в домах, расположенных рядом с обычными причалами; работали посменно, часто задерживались допоздна или имели ночную работу. И все они пропали в ночь, когда ушли из дома на работу или возвращались домой: первых провожала семья, а сослуживцы не дождались, а вторых сослуживцы благополучно сменили, а семья не дождалась.

А самое главное, вся пропавшая двадцатка обитала на Сороковых-Шестидесятых островах. Все были коренными северянами. И все были колдунами. И, судя по датам, исчезновения касались лишь нечётных островов и шли по кругу в обратном порядке – Шестидесять Седьмой,

Пятьдесят Девятый, Пятьдесят Третий, Сорок Девятый, Сорок Седьмой, Сорок Первый, опять Шестьдесят Седьмой...

– Вы что-то нашли, да? – заметил мастер Гьюш, появляясь у стола с новой стопкой папок.

– Пока только пару подозрительных моментов, – Рьен отложил листы с таблицами. –

Мастер, можно вас попросить?

– Конечно! – радостно встрепенулся призрак.

– Всё это, – Рьен указал на шесть столов с папками, – надо разобрать вот по такому примеру, – и протянул архивариусу свои записи. – Если вы нашли всё необходимое, начинайте. А я позже пришлю к вам своих помощников. Нужно просмотреть каждое дело и выписать то, что я обвёл.

– Надо же... – прошептал мастер Гьюш, глянув на таблицы. – Его всё-таки можно поймать...

– Не уверен, – покачал головой Рьен. – Пока это всего лишь... вероятность. Одна из. Если бы всё было так просто, сорок восьмой причал уничтожили бы давным-давно. А его... наверное, вспугнули. И ещё, мастер, составьте сводки, сколько людей пропало без вести за последние триста лет и сколько пропадало прежде – когда, по слухам, причал ещё видели. Тогда и поймём, вспугнули ли.

– Всё сделаю, – заверил призрак. – Всё как вам надо. Прямо сейчас же и начну. Зов пока затих, но если я что-то упустил, то это не более десяти дел. И те, глядишь, позже встрепенутся. Не волнуйтесь, всё сделаю.

С первого стола, угнездившись на самой высокой стопке, довольно вякнул рыжий кот.

– Спасибо. После обеда у нас совещание, а потом, если успею, я вернусь и помогу, – пообещал Рьен.

Матушка Шанэ тоже не сидела сложа руки. С утра она отправила письмо главе Колдовского ведомства и удивительно быстро – через десять минут – получила неожиданно вежливый ответ: мастер Гьириб рассыпался в любезностях, заверил, что всенепременно поможет, и никуда матушке ехать не надо – он лично навестит её в обеденное время. Матушка тоже не поскупилась на любезности и сообщила, что будет ждать в тёплой беседке за чайной.

И действительно, ровно в час дня дверь беседки скрипнула, являя главу Колдовского ведомства – хмурого, собранного и очень напряжённого.

– Здравствуй, Шанэ, – старый колдун снял меховую шляпу и потрянул густыми седыми волосами. – Сорок восьмой причал, значит? – и с несвойственным ему сочувствием спросил: – Дар иссякает? Ты столько лет гонялась за мелочью, а раз взялась играть по-крупному... Вывод один.

– Это было неизбежно, – матушка раскрыла мешочек, собирая со стола песок для гаданий. – Я ещё долго продержалась. Даже удивительно.

– Если ты пришла по зову Севера и Семиречья, то нет, неудивительно, – возразил мастер Гьириб. – Тебя питали и реки тоже... пока могли.

Он снял и оставил на вешалке пальто, устроился за столом и уточнил:

– Откуда знаешь про сорок восьмой причал?

– От Рьена, – матушка встала и отошла к буфету, где на тёплом песке грелся поднос с обедом. – И он запретил мне работать в одиночку. Наша, дескать, местная напасть – мы и разбираться должны.

– Это правильно, – одобрил старый колдун, «споласкивая» руки водяным клубком. – Дело говорит. И дело своё, кстати, знает. Эти ребята куда угодно заберутся и что угодно для тебя оттуда вытащат. И найдут всё необходимое, только дай им повод. Я, с твоего позволения поем, а ты, Шанэ, вещай. О чём Рьен рассказал? Я после дополню.

Матушка устроилась напротив него с чашкой чая и вкратце рассказала. А мастер Гьириб сноровисто отдал честь отличному обеду, поблагодарил, промокнул губы салфеткой, отодвинул поднос и взялся за свою кружку.

– Шанэ, причал существует, – он рассеянно посмотрел в окно. – Причал так же реален, как наша с тобой беседа, а лет ему едва ли не столько же, сколько Семиречью. Древняя напасть. Почти забытая. И, боюсь, люди забыли о нём из-за нас.

Матушка с любопытством уставилась на старого колдуна: ну-ну?..

– Триста лет – столько о причале ничего не слышно, – продолжил мастер Гьириб. – До этого он забирал много – слишком много – молодых колдунов. Да, Шанэ, его цель – только молодые северные колдуны. Тогда больше тридцати человек в год пропадало – сильных, даровитых. Наша надежда и опора. Наше будущее. Парни, девчонки – неважно, лишь бы с колдовским даром. И однажды мы его выследили, этот проклятый причал.

В тихом голосе колдуна было столько горечи, что матушка сразу поняла: ничем хорошим эта встреча не закончилась.

– Его нетрудно выследить, если изучить те места, где пропадали наши ребята, и учесть время их исчезновения. Причал годами следует по одному и тому же пути. Если сыскники сообразят поднять дела всех пропавших без вести, то быстро всё поймут, – пояснил мастер Гьириб. – Так и мы причал выследили. Засаду обустроили. Около сорока самых сильных колдунов, Шанэ... Ни один не вернулся. Исчезли бесследно. Испарились.

Матушка сочувственно поджала губы. Ужасная, невозможная потеря...

– Это случилось триста лет назад, – старый колдун опустил глаза. – Причал после нашего нападения тоже исчез – глава Колдовского ведомства даже радостно объявил, что навсегда. Да, мы принесли огромную жертву, но победили. А через пятнадцать лет снова начали пропадать люди – всё те же. Молодые северные колдуны. Уже, конечно, не тридцать, а три-пять человек в год. И места исчезновений изменились – с крупных островов причал перебрался на мелкие.

– И вы не решились его искать? – понимающе спросила матушка Шанэ, доливая чай в обе чашки. И, как всегда, чай сразу запахом по-разному – горькой мятой в чашке колдуна, медовой земляничкой в чашке матушки.

– Почему же, искали, – невесело хмыкнул мастер Гьириб. – Но причал стал хитрее. Он ни разу не появился там, где его ждала засада, хотя мы точно вычисляли место и время. Ни разу, Шанэ. А лет десять назад до причала пытался добраться один из моих помощников, когда исчез его младший брат. Парень все архивы перевернул, землю носом рыл, но безрезультатно – ни причала не нашёл, ни брата.

– Чаёк пей, – мягко подсказала матушка.

Старый колдун скупно глотнул чаю и качнул головой:

– Рано расслабляться. С делами покончим – почаёвничаем вволю. Ответь, Шанэ, что, по-твоему, это за причал?

Она подумала и осторожно сказала:

– Причал – это всего лишь... причал. Всего лишь удобное место для швартовки. Да, колдовское место, опасное, но это всего лишь место. Приманка для тех, кому необходимо отчалить. И место для того, кому необходимо причалить.

Мастер Гьириб одобрительно кивнул:

– И что из этого следует?

– Забирает не причал, – заметила матушка Шанэ. – Забирает тот, кто причаливает. У Лодочника тоже есть своё творение – Призрачный причал, на котором собираются его души и к которому дух-хранитель может причалить. То есть сорок восьмой причал – это творение чьего-то злого колдовства.

– Вопрос в том, чьего, – старый колдун вздохнул, оперся о стол и ссутулился. – Мы долго думали, но вариантов у нас немного – или это кто-то вроде колдуньи Йоро, или служители

древних культов, или кто-то вроде Лодочника. Я не знаю – и по старым архивам тоже – ни одного смертного, кто бы смог одолеть группу сильнейших колдунов. А ты?

– Скорее всего, это дух, – согласилась матушка. – Или из древних и проклятых служителей – первых обитателей этих мест. Или из праколдунов.

– Нам следовало поговорить об этом раньше, – признал мастер Гьириб. – И разделаться с этой напастью, пока хотя бы мы, колдуны, о ней помним. Пока мы верим в то, что это реальность, а не легенда.

– А о чём ещё вы помните? – вкрадчиво поинтересовалась матушка Шанэ.

– Давай решать проблемы по мере их убывания, – улыбнулся старый колдун. – Сначала – сорок восьмой причал, а потом... Я уже поручил своему заму по древнему колдовству покопаться в архивах. Какие-то дела мы закончим с тобой, какие-то – с твоим сменщиком, а за тем, до чего не дотянемся, продолжим следить, чтобы разобраться при случае. Оба парня правы, Шанэ, – и Рьен, и служитель храма. Негоже бросать тебя наедине с нашими проблемами. А город предчувствует беду и восстанавливает древнюю защиту. Потому что и северных колдунов нынче немного, и прежней силы в них давно нет. Как и знаний и умений. Видишь, даже о пробуждающейся защите мы узнаём случайно и последними. Поистёрлись, к сожалению, старые связи. А вместе с верой в призраков мы утратили бдительность. Превратились в бытовиков, хотя нам – нам, а не иноземцам, – должно защищать свой город, – он помрачнел и хмуро добавил: – Но с чем сможем, с тем поможем.

– Семиречью скоро семьсот лет, – матушка Шанэ внимательно посмотрела на колдуна. – Это важно, Гьириб?

– Ещё от праколдунов нам досталась привычка создавать циклические заклятья, – пояснил он. – На год. На десять лет. На сто лет. На триста. На семьсот. Раз город всполошился, значит, через два-три года кончится что-то очень важное. Ну и реки, Шанэ. Раз в сто лет они обновляются и очищаются – и поднимаются выше прежнего, и звенят громче обычного. Мой наставник говорил, что в это время на дне реки Тягучей тает лёд, река Мелкая поднимается в два раза выше обычного, а Кипучая ревет и сметает всё на своём пути.

– И сколько же гадости они поднимут со дна... – прошептала матушка, стискивая полупустую чашку.

– Поэтому с опасной древностью разберёмся сейчас, коль руки дошли, – решительно сказал мастер Гьириб. – Я сообщу Рьену, что мы в игре. А ты... А что ты делала с песком перед моим приходом?

– Гадала, – усмехнулась матушка Шанэ, доставая заветный мешочек. – Песок всё знает – всё и даже больше. Он хранит всю память мира от зари времён. Я редко прошу его о помощи – это всё равно что Лодочника по пустякам дёргать. Но сегодня я попросила – и он готов дать совет.

Спустя три дня посеревшая от работы и архивной пыли компания в лице Иххо, Сьята и Рьена собралась в начальственном кабинете обсудить итоги дела и наметить планы на будущее.

– А где Мьёл? – Рьен посмотрел на часы.

Совещание было назначено на полдень, часы показывали половину первого, а обычно пунктуальный колдун до сих пор отсутствовал и даже предупреждающей записки не прислал.

– Сьят, говори, – начальник строго посмотрел на рыжего.

– Ладно, всё равно узнаете... У него со вчерашнего вечера какой-то опыт, – признался Сьят. – Часов до семи он помогал нам в архиве, а потом получил письмо из Колдовского ведомства, собрался и сбежал. И это всё, мастер.

– Понятно... – Рьен поморщился. – Если этот неужённый не убьётся случайно, то я его всё-таки уволю за самоуправство. Хоть бы предупредил.

– Вы бы запретили, – заметил рыжий.

– Я бы знал, когда начинать беспокоиться и куда направлять команду спасателей, – сухо возразил начальник. – Вы же не дети малые, чтобы запрещать вам заниматься личными делами. Предупредили – и свободны.

– Видимо, Мьёл думал, что успеет, – Съят нервно перебрал бумаги. – Не рассчитал.

– Начнём тогда, – Рьен открыл папку с отчётами.

Со вчерашнего дня он разгребал свою совещательно-начальственную работу, и итоги архивных раскопок подводились без него.

– По архивным данным, за последние триста лет колдунов пропало больше, чем за предыдущие столетия, – доложил Съят. – В общем-то, понятно, почему – и колдуны, и родственники пропавших знали причину исчезновений и нам не докладывали. Искали, как обычно, сами. Потом некоторое время причал считался уничтоженным, поэтому родственники обращались в Сыскное ведомство. И вы правы, мастер, путь сорок восьмого причала прослеживается очень чётко – от Шестьдесят Девятого острова до Сорок Первого. Только нечётные острова. До пяти человек в год. Раз в сезон, включая Мёртвое время. А когда круг нечётных замыкался, то начинался опять с Шестьдесят Девятого. Мы с Иххо посчитали и прикинули – в этом году причал должен появиться у Пятьдесят Третьего острова. Последнее заявление об исчезновении такое: в ночь с девятого на десятый день нынешней зимы пропал колдун, двадцати шести лет, жил на Пятьдесят Пятом острове.

Иххо, сидевшая в соседнем кресле, скромно кивнула.

– Остальные тоже пропадали чаще всего в начале сезона... – Рьен хмуро перелистнул отчёт и достал из папки следующий. – Вовремя мы. Весна только началась, и пока ещё никто не пропал, верно?

– Никто, – заверил Съят. – Я проверяю сводки несколько раз в день, да и дежурные предупреждены.

– Ещё и колдовские протоки... – Рьен пробежался взглядом по тексту.

– Да, большая часть колдунов пропала именно так – они уходили с работы или на работу протокой и всё, – подтвердил рыжий. – Больше их никто не видел. В общих правонарушениях клянутся, что искали всеми возможными способами – по крови тоже. И ничего. Как испарились. Исчезли без следа.

– Ясно, – Рьен закрыл папку. – Кажется, я понял, где наш колдун. Дело Мьёла все читали? В курсе, какая у него родня?

– Кажется, его дед протоками занимался, – припомнил Съят.

– Колдовские протоки – это искусственные тропы, – объяснил Рьен. – Их прокладывали и огораживали несколько десятилетий. И прапрадед Мьёла был одним из первых ходоков – из тех, кто исследовал колдовское пространство, прокладывал тропы общего пользования в неизученных частях города и составлял карты проток. Колдуны, конечно, и прежде ходили протоками, но есть огромная разница между готовой тропой и самостоятельной работой. Команда прапрадеда сделала пространство удобным, общедоступным и безопасным. А его дед изобрёл зелья, которые хранят колдунов от холода. До него мало кто решался ходить зимними протоками, а он придумал, как сберечь организм в ледяной воде. Амулеты-то в протоках не работают. Это стоило деду здоровья – он ушёл очень рано. А я все десять лет нашей совместной работы жду, что Мьёл пойдёт по стопам своей знаменитой родни и сунется туда, куда живому человеку лезть не следует.

– Но он же не совсем безголовый, – удивилась Иххо. – Хотя...

– Что? – прищурился Рьен.

Иххо покраснела и призналась:

– Мьёл вчера заметил, что подходит причалу. И северный колдун, и сильный, и тридцати лет ещё нет. Но я подумала, он так, не всерьёз...

Сьят выразительно хмыкнул, а Рьен едва сдержался. Он никогда не ругался ни на своих, ни при своих, но сейчас с трудом прикусил язык.

– Ладно вам, мастер, не нагнетайте, – примирительно сказал Сьят. – Мьёл знает, что делает. При всей его странной любви к рискованным опытам человек он здравомыслящий и колдун умный. Знающий. Из древнего рода. Он не сунется туда, откуда не сможет выбраться.

Где-то закапала вода.

– У нас что, крыша течёт? – Рьен поднял голову.

Перестук капель участился, и потянуло рекой.

– Колдовство, – рыжий улыбнулся и расслабленно вытянул ноги. – Ждём.

А минут через десять в кабинете колдуна что-то грохнуло. Зашипело. Заругалось. Опять грохнуло.

– Мьёл! – встав, рявкнул Рьен.

– Чего? – колдун появился на пороге. – Ну извините, опоздал.

– Ты откуда такой... мокрый? – опешил начальник.

На самом деле Мьёл был безобразно грязным – словно его в гниlostное болото с головой окунули. Слипшиеся потемневшие волосы, лицо и руки в разводах, одежда мокрая и грязная. Но, что характерно, на пол грязь не стекала, а подошвы сапог не оставляли на полу неподобающих следов.

Мьёл безрезультатно вытер рукавом лицо – грязь держалась, как заколдованная, не размазываясь, – и угрюмо доложил:

– Со дна мы. На разведке с мелким были. Там, где триста лет назад колдуны собрались, чтобы уничтожить сорок восьмой причал, и пропали.

– Со дна? – многозначительно повторил Рьен.

– Протока – это река, – недовольно ответил колдун, шумно роясь в карманах куртки. – И у неё есть дно. Мы, люди, ходим по поверхности, как на лодках. Зверьё погружается глубже – ныряет. И потому плюёт на любую защиту от человеческих проток. У нас нырять нужды нет... да и силы не те. По звериной протоке идёшь как по болоту – вязнешь, проваливаешься, и пока ногу вытащишь из трясины, уже устал. Ну и дно. А где ещё этот проклятый причал искать, если не на дне?

– Нашёл? – сдержанно поинтересовался Рьен.

Сьят и Иххо, повернувшись в креслах, молча и напряжённо внимали.

– Причал – нет, – проворчал Мьёл и вывернул карманы. – Но вот что было в донной грязи. На начальственный стол шлёпнулись комки серо-зелёного ила.

– Почистите – обалдеете, – пообещал колдун и напоследок показал простое серебряное кольцо. – Этой штуке больше трёхсот лет. Покажете мастеру Гьирибу – он подтвердит. На внутренней стороне номер – раньше все колдуны такие носили, нас так регистрировали, пока не придумали регистрацию на крови. Ещё мой дед такое носил по старой памяти. Но у него номер длинный был – цифр десять, – а тут всего пять. Очень старая вещь.

Рьен протянул руку, забрал кольцо, осмотрел и заметил:

– Да, и у своего деда такое помню. Себя почему не почистишь?

– Потому что зелья уничтожают грязь, а я хочу соскрести что-нибудь и изучить состав, – Мьёл снова безрезультатно протёр лицо. – Можно я пойду?

С подоконника жалобно и нетерпеливо вякнул Угорь – такой же грязный, мокрый и недовольный, как и его хозяин.

– Иди, – разрешил Рьен. – Но как закончишь свои дела, сразу ко мне.

Колдун коротко кивнул, прихватил кота и закрылся в своём кабинете. И снова там что-то зашуршало.

Сьят сноровисто подскочил и без жалости использовал свою папку и отчёты, чтобы собрать комки в кучу, Рьен сгрёб в сторону бумаги, а Иххо достала из кармана платя склянки.

- Чистить? – спросила она осторожно. – Наверное, обычное зелье уборки сгодится?
- Пробуй, – Рьен на всякий случай попятился.

Чёрная вода растеклась по листам, на минуту скрыв комки ила, а потом вернулась обратно в склянку, оставив на столе несколько одинаковых колец, пару подвесок, ремennую пряжку, пуговицы и ключья ткани.

– Кольца с номерами, – указал Сьят.

– Поработаем, – согласился Рьен. – И, думаю, лучше мастеру Гьирибу заглянуть к нам лично.

Он открыл ящик стола и достал коробку со склянками.

– Сынок, ты откуда? – ахнула матушка Шанэ, по письменной просьбе Мьёла прибежав в тёплую беседку.

– Со дна, – снова ответил колдун. Встал с кресла и уточнил: – Со дна протоки. И я не могу соскрести эту грязь, не уничтожив. А мне нужны образцы. Может, у вас получится их взять?

– А до тебя дно исследовали? – любопытствовала матушка, быстро снимая пальто.

– Само собой, я же не один дурной колдун на всё Семиречье, – фыркнул Мьёл, привычно потирая грязную щёку. – Мы, если что, все дурные. И всегда будем ставить опыты и лезть в неизвестные места. Природа у нас такая – исследовательская. Река Чёрная не велит стоять на месте и требует развивать дар. И вы, кстати, такая же. Вот сейчас вам до смерти интересно, что это за грязь и как её смыть. И как изучить.

Матушка Шанэ достала мешочек с песком и улыбнулась: да, есть такое...

– До дна многие колдуны доставали, но не видели смысла его изучать, – продолжал Мьёл. – Внутри протоки терпимо даже зимой, но очень темно и трудно находиться. Один шаг там – как двадцать здесь, и чем глубже погружаешься – тем больше сил тратишь на простые движения. Мы давно поняли, что оно того не стоит, ещё мой прапрадед об этом в дневниках писал. Прокладывать удобные тропы долго и тяжело, а защиту от них можно поставить на раз. Едва ли не каждый второй колдун обязательно ныряет ко дну, но ничего интересного там не находит и бросает это дело. И никому о результатах не сообщает – зачем?

– А ты что-то нашёл? – проницательно спросила матушка.

– Вещи пропавших триста лет назад колдунов, – просто ответил Мьёл. – Тех самых, которые хотели уничтожить сорок восьмой причал.

Матушка Шанэ внимательнее присмотрелась к колдуну, достала из буфета ещё несколько мешочков с песком и задумчиво произнесла:

– Сдаётся мне, сынок, что вовсе не грязь это. Садись-ка вот сюда, – она положила мешочки на стол. – Ко мне поближе. Если я права, то образцы понадобятся скорее мне.

– Души? – встревожился колдун, уstraиваясь за столом.

Матушка пожалала плечами и высыпала на стол один за другим несколько мешочков с песком. Поворошила его, расчерчивая деревянную поверхность песчаными узорами, и зашептала. Песок мягко замерцал и живой змеей пополз к Мьёлу.

– Будет неприятно, – предупредила матушка Шанэ. – Но ты уж потерпи.

Колдун кивнул, с любопытством наблюдая за южным колдовством. Песок быстро добрался до его рук, обвил локти и пополз дальше щупальцами плюща – шершавого, но тёплого. И голову облепил осторожно – не мешая дышать, не царапая кожу, не вцепляясь в волосы. А матушка, направляя песок, тихо и шуршаще пела что-то на южном.

Неприятно не было – напротив, Мьёл, согрившись в песчаном тепле и убаюканный шёпотом, чуть не уснул. И когда оно, щекоча кожу, схлынуло, колдун тряхнул тяжёлой головой – всю ночь же не спал и нырял за доказательствами.

– Уверен, что смоешь остальную грязь? – спросила матушка Шанэ.

– Кота отмыл сразу, – отозвался Мьёл и открыл глаза.

Песок почти весь вернулся в мешочки, а соскоблить удалось мало – над столом в искристом облаке плавали две полосы грязи, похожие на увядшие веточки зелени.

– Больше без боли не получить, – пояснила матушка. – Но нам и этого хватит. Одну вам, одну мне.

Колдун сразу же погрузил себя в речной кокон – грязь ему изрядно надоела, да и высушиться из-за неё нормально не получалось. И уже в коконе услышал тихое:

– Сынок, ты, поди, думал, что за приманку сойдёшь?

– Думал, – признался Мьёл, выныривая обратно. – А что, нет?

Матушка Шанэ осторожно коснулась своей «веточки» и качнула головой:

– Нет. Ты слишком добрый для причала. Слишком хороший. Ты прав, это частичка духа – тёмного духа, злого, грешного. Вот кого приманивал причал. Вот кого он забирал. Тёмных людей. Набедокуривших. И их опустошённые мёртвые души теперь устилают дно колдовских протоков.

– И что, это повод остановиться? – напрягся колдун. – И не искать причал дальше?

– Ни в коем случае, – взгляд матушки Шанэ стал жёстким. – Он убивает. И не имеет на это права. Никто не имеет. И лишать душу посмертия тоже. Если человек оступился, он должен сам это понять, осознать и исправить, чтобы уйти в Мир вечных вод чистым, а не гнить на дне колдовской протоки за то, что не смог от взятки отказаться.

Мьёл аккуратно собрал в пустую склянку второй образец грязи, посмотрел на неё и ухмыльнулся:

– Ну, если хватит одной взятки, то приманку для причала мы найдём без проблем. У нас и в тюрьме, и в закрытых храмах навалом подходящих деятелей – северных, молодых, в меру грешных и с колдовским даром.

– К сожалению, навалом, – строго поправила матушка Шанэ, убирая свой образец грязи в мешочек с песком. И сменила тему: – Сынок, ты голодный?

– Не то слово! – оживился колдун. – Со вчерашнего дня толком не ел.

– Тогда идём в чайную, накормлю, – она встала. – Ты поешь, а я напишу в Сыскное ведомство о том, что мы узнали. А уж дальше пусть твой начальник решает, что и на кого ловить. И когда.

Над рекой Лунной разливался серебристый туман. Он неторопливо поднимался над тихой водой, заполнял все выемки у берегов, взбирался по каменным парапетам и мостовым опорам, тянул скользкие щупальца к остаткам сугробов. Едва реки запели, как колдуны взяли за расчистку снега, и на крупных островах от сугробов остались лишь небольшие и рыхлые грязно-серые полосы. А вместо снега берега с вечера затоплял туман – ледяной, липкий, густой, как сметана. Прозрачно-сумеречный и робкий по вечерам, непроницаемо плотный и жадно вбирающий в себя город по ночам.

Бьюн очень боялся. Он стоял на набережной Девятнадцатого острова уже полчаса и никак не мог собраться с мыслями. Пересилить наконец страх и сделать то, зачем пришёл.

Ещё в конце зимы Бьюн по праву считался одним из лучших городских воров – хитрый, неуловимый, неприметный, с колдовским даром. Он воровал с десяти лет, и за восемнадцать лет работы у него не было ни одной ошибки. Ни одной помарки. Бьюн знал свои слабые места – он любил рискнуть и частенько сначала делал, а потом думал, – и всегда тщательно за собой следил. Но всё-таки попался – дважды. Сначала взялся за рискованный заказ и оказался в тюрьме, а потом не подумал и очутился здесь.

Сыскники хотели найти сорок восьмой причал. А Бьюн хотел на волю (он небезосновательно подозревал, что пятнадцать лет каторги на рудниках Дальнего Севера его или убьют, или превратят в больного старика). И вор не думая согласился за свободу сыграть роль наживки. Всего-то и нужно, что походить протоками с разных островов на Пятьдесят Третий, а с одного

на соседние. Сегодня, завтра, неделю – пока причал не попадётся. Или не исчезнет бесследно другой колдун.

Конечно, потом на все четыре стороны Бьюна никто не отпустит, не то преступное сообщество Семиречья заподозрит неладное. Смена внешности, новые документы – и навсегда вон из города. И честная жизнь – там, где он в итоге осядет, за ним присмотрят. Вора переезд устраивал – его ничто в городе не держало, – да и честная жизнь тоже, хотя работать от зари до зари ему не улыбалось. Но лучше работать молодым и здоровым в приличном месте, чем загнуться на каторге, верно?

И если бы не плата за свободу...

Бьюн освоил протоку в тринадцать лет, но наставник, мудрый вор-колдун, сразу предупредил: и к заказчику, и на дело, и выпить, и к девкам, и обратно – только пешком или лодкой. Следы открытой и закрытой протоки, как и следы человека на колдовской тропе, остаются надолго. И Бьюн так привык справляться без колдовства, что протокой почти не пользовался. Нет, открыть-то он откроет, пройдёт и выйдет, но...

Из тумана выглянула полосатая кошачья морда. Прищурилась подозрительно и зашипела: чего, мол, застыл? Наставник рассказывал о животных-колдунах, и Бьюн сразу понял, что непростые у сыскников коты, проследят за ним и помогут... Но всё равно страшно. Страшнее, чем на первом своём деле. Страшнее, чем на оглашении приговора.

Вор сунул руки в карманы куртки, нащупал мешочки с песком, припомнил наставления и решил: пора. А то как не надо было рисковать, так он полез, как надо было подумать, так не думалось? Что его погубило, то и спасти должно, да. К тому же ему обещали помочь, а сыскники слово держат (в этом Бьюн убедился лично: глава отдела общих правонарушений год назад в газетной статье публично пообещал его поймать – и поймал).

Кот снова зашипел. С реки потянуло промозглой сыростью. Туман вскарабкался по сапогам вора, обхватив его колени. Бьюн в отчаянии сжал мешочек с песком, с третьей попытки открыл протоку и прыгнул в чёрную лужу – как в омут с головой. И так погибать, и эдак... И будь что будет.

В колдовской протоке Семиречье напоминало беспорядочно разбросанные по руслу реки камни: крупные валуны – острова, мелкие – тропы между ними. Все острова отличались друг от друга формой и размерами, но их насчитывалось больше трёхсот, и колдуны годами зубрили карту протоки, чтобы сходу узнавать конкретный остров по характерным выступам и не плутать подолгу в поисках нужного. Бьюн карту толком не знал, но ему хватило пары дней, чтобы выучить форму Пятьдесят Третьего острова и его окрестности.

Кот вынырнул рядом с вором и предупредительно фыркнул. Бьюн послушно примерился и осторожно запрыгал с камня на камень – с Девятнадцатого острова на проклятый Пятьдесят Третий. Бодрясь сердитым убеждением, что ничего у сыскников не получится, но в глубине души понимая – получится. Если уж сам глава Колдовского ведомства разрабатывал план – наверняка получится.

Из протоки зима ещё не ушла – в чёрной воде плавала пористая серая наледь, а бока камней белели снегом. Но хоть потеплело – и то хлеб. Можно не спешить, тщательнее примериваться и аккуратнее прыгать. Не то соскользнёшь – и в воду с головой. Увязнешь, не выберешься сразу – и камнем ко дну. А ему туда нельзя, нет. Колдуны говорят, в одиночку со дна не выбраться.

Скорее бы закончить – да настойки глотнуть, да к горячей девчонке под бок... Подруга-то, конечно, как прознала про тюрьму, другого нашла, но ничего, Бьюн – парень видный. Один не останется. Только бы справиться, только бы выбраться...

Предпоследний в тропе камень внезапно просел под весом вора и ушёл под воду. Бьюн не успел ни удивиться, ни испугаться – лишь нелепо взмахнул руками, хватаясь за воздух, и ухнул в ледяной водоворот.

– Староват, но ничего, сойдёшь, – проскрипел старческий голос – противный до дрожи, словно острым ножом по стеклу шаркнули.

Бьон неуверенно открыл глаза и заморгал – голос принадлежал отнюдь не старику. Над ним склонился мальчишка лет десяти – беловолосый, светлоглазый, высокий и худой, как оглобля. Отросшие волосы неопрятно торчали в разные стороны, одежда тоже была неряшливой – мятая, в грязных пятнах. А вот глаза, как и голос, у пацана оказались старческими. Бьон лишь раз такие глаза видел – у местной легенды, древнего деда-вора, которому кто-то сто лет давал, а кто-то двести. Бесцветные глаза, равнодушные. И не только в них краски выцвели. В душе выцвело желание видеть красоту жизни и наслаждаться ею.

– Очухался? – пацан неприятно ухмыльнулся. – Давай-давай, дыши, парень. Нам с тобой ещё одно дельце провернуть надобно. Сядь.

Бьон сел – тело послушалось пацана быстрее, чем вор взял себя в руки. Огляделся. Сглотнул.

Водоворот выплюнул его на старом причале – подвижный и скрипучий настил, под которым шелестели воды колдовской реки, высокая кособокая ограда с серебристыми фонарями (и один освещал пугающую табличку с номером). Позади темнели часть стены и карниз крыши, а остальное утопало в густом тумане. Он взял причал в плотное кольцо и настойчиво тянул щупальца через прутья ограды, но пробраться на настил почему-то не мог.

И всё бы ничего, но и ограда, и настил были сложены из костей.

– Не дури, – предупредил пацан и выпрямился. – Тут сиди, жди и не дури, понял? Не то хуже будет.

Бьон снова сглотнул и кивнул. И пусть идёт, вор как раз выполнит поручение – опорожнит мешки с песком. А дальше... вроде как всё. Колдовской южный песок что-то сделает, и всё. О южном колдовстве Бьон немного знал от наставника, который не ленился повторять: к южанам никогда не лезь и ни за какие деньги не берись у них воровать. Не сладишь. Призраками южане управляют. Что бы ни сулили, не берись. Страшная у них сила. Незримая и мощная.

Самое то, чтобы сорок восьмой причал потопить. Если слухи правдивы.

А пацан вдруг передумал уходить. Посмотрел сверху вниз, точно что-то подозревая, и сел на настил напротив вора. Скрестил ноги, достал из кармана штанов сухую травинку и развязно предложил:

– Хочешь сказку, парень? – и сам решил за Бьюна: – Хочешь. Все хотят. Всем интересно.

У вора до сих пор шумело в ушах, его трясло после водоворота (и вообще после всего), и очень хотелось побыстрее покончить с делом, но мешочки явно откладывались. И он опять послушно кивнул.

– Странный ты... – подозрительно сощурился пацан. – И вроде боишься... но не так боишься, как нужно. Другие иначе боялись. На голову, что ль, бедовый? Ну?

От немигающего ледяного взгляда Бьюна затрясло сильнее прежнего, и только тогда страшный пацан расслабился:

– То-то же. Слушай давай.

Он поёрзал и с явным удовольствием затыкнул:

– Жили-были два брата – старший и младший. Долго жили, честно и дружно. Все дела делили – всё вместе делали. И вот пришла им пора *уходить*. Мир, парень, постоянно меняется – старое отживает, новое зарождается. А если старое не может встроиться в новое, то пора ему, старью-то, подвинуться. Но братья решили, что ещё послужат миру – по-своему. Нравилось им новое, хотелось посмотреть, каким мир станет. Тогда они ушли – и вернулись. Иными.

Призраками, понял Бьон и слегка взопрел. Вот отчего неувязки-то – со старыми глазами и юным обликом.

– Мир менялся так быстро, что старое тонуло, а новое не успевало появляться, – в охотку продолжал пацан. – И братья взялись за это новое. Растаяли ледники на Дальнем Севере, реки переполнились и выбросили в живой мир новое колдовство для новых людей, но старые-то колдуны не умирали, зато новые – ещё как. А их души застревали среди живых, напившись силы рек. И тогда братья открыли Мир вечных вод, чтобы душам было куда уйти, и приходили, чтобы показать дорогу.

Лодочник, ещё больше взопрел вор. Лодочник и...

– Они поделили обязанности: старший забирал светлых, а младший – тёмных. Честно поделили – жребий бросили. Вот только тёмных-то всегда больше умирает – больно дерутся много, делят что-то, режут друг друга. Младший не справлялся, и тогда старший предложил помощь. И постепенно младший стал замечать, что работы у него всё меньше и меньше.

В поясицу вора что-то ткнулось, и он не подскочил испуганно лишь благодаря многолетней привычке сидеть неподвижно – в засаде, в укрытии, пережидая облаву. Да и промёрз основательно. Бьон лишь чуть дёрнулся и сразу понял, что один из карманов его куртки опустел. Сменил положение – вроде как потягиваясь, – и второй карман тоже опустел.

– Тогда-то младший и понял, что брат его обворовывает, – взгляд пацана стал ещё страшнее. – Забирает больше положенного. А ведь они нас питали, парень. Души-то. Только их сила нас тут держит. Мы не убивали, нет. Пообщаться хватало. Поговорить, рядом побыть, обнять в утешение. Когда по десятку в день возишь – хватало. А когда один в неделю... уже нет.

Настил скрипнул так, что Бьон снова едва не подпрыгнул. Позади скрипнул – словно кто-то тяжёлый шагнул на старые кости.

– Ты забыл добавить, брат, – произнёс тихий молодой голос, – что начал злоупотреблять. Что тебе и сотни душ в день стало мало. Что захотел ещё больше силы – она тебя пьянила, как старая отцовская настойка, и без неё тебе не работалось. Ты стал зависимым. И начал злоупотреблять. Скольких ты не довёз до дома, пока я не вмешался? Скольким ты не дал шанса вернуться и искупить свою вину, прожив новую честную жизнь?

Пацан подскочил, а ему навстречу из-за спины Бьюна выступила худая фигура в объёмном плаще лодочника. Вор споро попятился и полз, пока не упёрся спиной в ограду. Если бы он знал, что вмешивается в разборки высших сил, то плюнул бы и на свободу, и на сыскников, и даже на главу Колдовского ведомства...

– Я дал тебе время – отдохнуть и одуматься, – сухо ответил пришелец. – А ты спрятался от меня и начал убивать. Живых.

– Тёмных, – резко возразил пацан. – Нагрешивших. Виноватых.

– Живых, – веско повторил пришедший. – Не ты даёшь жизнь, и не тебе решать, кому жить, а кому умирать. Мы с тобой всего лишь лодочники. Перевозчики. Служители Мира вечных вод. Наше дело – забрать душу с Призрачного причала и доставить её домой. А что делаешь ты? И ведь ты до сих пор не заметил, что стал таким же, как те, кого осуждаешь. Хватит. Всё. Всё, брат. Тебе тоже пора.

И после тяжёлой короткой паузы добавил:

– Твоего причала больше нет.

Затрещали, ломаясь, кости. Первой рухнула ограда, и туман живой рекой хлынул на настил. А за причалом показался сумрачный силуэт лодки.

Бьон затаил дыхание, ожидая чего угодно – драки, недовольных воплей, сопротивления, истерики, слёз... Но пацан, чьи руки и ноги связали туманные плети, лишь зло глянул сначала на старшего брата, потом на вора. Повернулся, ссутулился и поплёлся к лодке. А под Бьюном просел настил, и речная вода заплескалась так близко...

– Закрой глаза, – не поворачиваясь, посоветовал (и вор ничуть не сомневался в верности своей догадки) Лодочник, – и ничего не бойся. Тебя вытащат. Те же, кто провёл меня сюда.

По ногам Бьюна скользнуло что-то гибкое. Змея, снова вопреки вор, но дёргаться не стал. Ну а вдруг и правда помогут?

– Расскажи людям сказку о двух братьях, – попросил Лодочник. – И сообщи, что сорок восьмой причал уничтожен, а его создатель ушёл в Мир вечных вод. А доказательства уничтожения найдутся быстро. Всплывут завтра же. Ты молодец. Спасибо. И до встречи – до очень нескорой встречи, парень.

– Сколько-сколько костей всплыло? – оторопело переспросил Сьят. – Вся река Лунная в старых костях? Да чтоб их... Только с одним захоронением разобрались – и на тебе...

Мьёл выгреб из кармана пригоршню склянок со слепками и высыпал их на стол. Потом вторую. Потом третью. И хмуро заключил:

– Хана нашей весне, друг. Все будут гулять, а мы с тобой – пахать. Не одним отделом, само собой, в общих правонарушениях клянутся помогать, но обычно у них работы больше, чем у нас.

Сьят посмотрел на щедрую россыпь склянок и уныло кивнул. А у него только-только рука после бесконечных отчётов болеть перестала...

– Но это не срочно, – добавил Мьёл. – Мастер Рьен велел делать в свободное рабочее время.

– То есть приступаем прямо сейчас, – фыркнул рыжий. – Не то лета у нас тоже не будет.

– Не, – колдун посмотрел на часы. – Сейчас обед. Говорю же, не срочно.

Он похлопал по опустевшим карманам и поправил куртку:

– Ты со мной?

– Конечно, – охотно отозвался Сьят.

Семиречье купалось в солнечном полудне. Искрила наледь на тротуарах, парапетах и перилах мостов. Искрили крохотные льдинки в морозном воздухе. Искрил свежий снег на мостовых. Но в воздухе уже пахло весной, и весело, разгоняясь, шумели освобождённые ото льда реки.

– Слушай, друг, – Сьят на ходу повязывал шарф, – а почему все пропавшие – колдуны до тридцати лет?

– До тридцати дар подвижен и готов к росту, – пояснил Мьёл, закрывая неприметную дверку в торце Сыскного ведомства. – До тридцати он набирает силу, а после развивается только за счёт опыта. И до тридцати лет мы ещё можем вывернуться наизнанку при угрозе жизни, а вот после – уже нет. Сила набрана, её уровень закреплён, и появляются инстинкты. Матушка Шанэ сказала, что ему нужно было много колдовской силы – этому тёмному лодочнику. И он вынуждал колдунов выворачиваться, чтобы собрать всю их силу и вложить в свой причал. Или в себя. Подробности мы уже, как ты понимаешь, не узнаем.

Сьят подумал, пощурился на солнце и заметил:

– А не из-за него ли мы перестали видеть призраков? Иначе его бы всё равно достали. Не утрать наши колдуны все знания и навыки... Достали бы. Может, он вас как-то проклял?

– Я тоже так подумал, – признался Мьёл. – Нет, наши старшие колдуны думают иначе. Что он, этот тёмный, что-то забирал из рек. Чем-то и от них питался – лодочник же. Я до сих пор наблюдаю за котами и вижу, как разнятся наши с ними умения. Они могут нырять глубже, чем мы, и работать на этой глубине – даже на дне. И видеть то, чего не видим мы. Значит, у них иное... питание. Всё те же реки, всё тот же общеколдовской источник... но вот силу они получают другую. Она ведь могла сохраниться на глубине – на той глубине, где нам трудно или опасно находиться. А этот тёмный когда-то был человеком, то есть глубоко не нырял. Но так оно всё или нет... Посмотрим.

Сьят согласно кивнул: да, выследив тёмного лодочника, сыскники нашли многих пропавших без вести и навсегда избавились от проклятого места, но только ли? А вдруг север-

ные колдуны вновь обретут способность видеть призраков? Раз она когда-то была – значит, однажды вернётся. Ничто не исчезает навсегда. И испарившаяся вода в своё время проливается дождями и наполняет реки новой силой.

– Для этого мало питания, – Мьёл точно прочёл мысли рыжего и нахмурился. – Я же видел Лодочника, когда деда потерял. Я его видел, Сьят, как тебя сейчас. Но мне запретили видеть. Значит, мы недостойны – пока. И лично я буду и дальше помогать южанам во всех их призрачных делах. Дед любил повторять, что с даром мало родиться, ещё его нужно заслужить. Быть достойным своей силы – вот что он имел в виду.

И может быть, однажды...

Время покажет.

Дело 2: Прах к праху

Едва колдуны растопили снег, а морозы сменились сырым холодком, как всё Семиречье высыпало на улицы – гулять. Люди засиделись дома, устали от морозов, тянулись к солнцу. И утром, и днём, и особенно вечером после работы набережные и улицы наполнялись улыбающимися людьми.

Иххо тоже начала много гулять. Зимой она бегом бежала из дома на работу и с работы домой, редко бывала у наставников и старинного отцовского друга дядюшки Эссо, а сейчас каждый день ходила после работы учиться и всегда, несмотря на оттаявшие реки и по-зимнему ранние сумерки, пешком. С призраком отца за спиной и развивающейся пепельной силой девушка никого не боялась.

Кутерьма с проклятыми местами её коснулась мало. Иххо слышала о поисках, а за обедом матушка Шанэ охотно делилась новостями. За две недели они с северными колдунами посетили с дюжину подозрительных мест, но все они оказались пустышками. Одни перестали быть проклятыми – из них ушло колдовство и освобождённые призраки отправились в Мир вечных вод, – а другие проклятыми никогда не были. Просто люди что-то услышали, чего-то испугались, во что-то поверили и распустили слухи, а те взяли да прижились. Как сыскники придумали «проклятые» места ловушками для ушлых преступников, так и обычные люди не чурались интересных выдумок.

Однако всеобщая взбудораженность поисками зацепила и её, и, гуляя по вечерам, Иххо часто вспоминала старые посиделки с девочками, страшные сказки и местные легенды. И на днях таки вспомнила ещё об одном проклятом месте – но не из рассказов девчонок. Когда маленькая Иххо убегала гулять по родному Семьдесят Первому острову, отец часто твердил: не ходи туда, обойди стороной, если пришла, даже рядом не появляйся.

Но однажды девушка не утерпела и с разочарованием увидела, что страшное место – это всего лишь маленький островок, покрытый мшистыми камнями. С Семьдесят Первого острова на него вёл единственный полусгнивший деревянный мост, которым давно не пользовались. И ничего на крохотном Двести Десятом островке не было ни полезного, ни интересного, ни ужасного – да, одни мшистые камни.

Тогда Иххо даже на мост не ступила – побоялась, что рухнет вместе с ним в буйные воды реки Говорливой. И долгое время обходила островок стороной, думая, что именно о гнилом мосте предупреждал отец – что в мосте крылась вся опасность. А теперь, вспоминая о проклятых местах, она думала: а в мосте ли? А не в крохотном островке ли? Ведь о других опасных местах отец говорил прямо: в тот дом не лезь – пол прогнил или крыша рухнет, на ту улицу не ходи – там шайка орудует, обворуют. Почему же он ни разу не упомянул мост и одно лишь повторял: не ходи да обходи?

Поразмыслив, она решила проверить мшистый Двести Десятый островок – хотя бы издали. Маленькой не заметила опасности, а сейчас её развитый дар чует мертвецов и призраков. А если не учует, то позже Иххо расскажет обо всём матушке Шанэ и покажет место. Но сначала сходить на разведку без свидетелей – на тот остров, где она родилась и выросла. Где остался родной дом, проданный за долги. И поровну счастливых и горьких воспоминаний, которые не хотелось ни с кем делить.

Несколько дней девушка собиралась с духом и в ближайший же выходной с утра пораньше отправилась на родной остров – сначала лодкой (путь был неблизкий, почти два часа отнял), а потом пешком. И конечно, едва Иххо поднялась с причала на набережную, ноги сразу понесли её к дому – к бывшему, но всё равно родному.

Семьдесят Первый остров – один из самых мелких заселённых. Он находился далеко от крупных центральных островов, и люди здесь жили скромные и небогатые. Небольшие одно-

этажные домики с низкими оградами, а иногда и без них, маленькие сады, тонкие тропки вместо улиц, узкая набережная. И очень старые деревья – высокие, раскидистые, необъятные. Маленькой Иххо всегда казалось, что они живут в лесу, и ещё и за это девушка любила родной остров.

Родительский дом был обитаем и ухожен. Светлые стены в паутине сухого плюща, свежескрашенные коричневое крыльцо и оконные рамы, цветастые занавески, а в чердачном окне зеленела молодая рассада. Иххо тайне надеялась, что дом продаётся, но нет. Сотрудникам Сыского ведомства оплачивали съёмное жильё и давали беспроцентные ссуды на покупку своего, и если бы дом продавался...

Скрипнула дверь, и на крыльцо выбрался крупный чёрно-белый пятнистый кот – поднял усатую морду к солнцу, зевнул и улёгся. Из-за приоткрытой двери донёсся смех – детский, три голосочка. Им вторил женский голос – строгий, но со скрытой смешинкой.

Иххо вздохнула и с тяжёлым сердцем прошла мимо дома – низкий забор с одной стороны, частокол древних деревьев с другой. Хорошо хоть, дом в надёжных руках... О нём заботятся, и там снова растут дети. А раз не продаётся, значит, ей не стоит сюда возвращаться и пора идти другой дорогой. К другому дому.

Но для начала всё-таки к вероятному проклятому месту.

Весь островок можно было обойти часа за два, а до старого деревянного моста девушка добралась минут за двадцать. И, как ни странно, мост находился на прежнем месте и в прежнем состоянии – деревянные опоры и перила, обшарпанный настил из кривых досок и зияющий щелями. А в опасной близости от настила грохотал по каменным порогам, шипя и пенясь, резвый приток реки Говорливой.

Иххо знала, что приток мелкий – едва ли по пояс взрослому мужчине, – но скользкие камни, бурное течение и холодное время года напоминали об осторожности. Даже если мост заколдован (иначе как он простоял столько лет, как не сгнили деревянные опоры?). Даже если он недавно восстановлен или отремонтирован. Мостом явно кто-то занимается, хотя на противоположном берегу делать нечего. Почему?

Девушка осторожно приблизилась к мосту, присмотрелась к настилу, взялась за перила и услышала тихое:

– Не ходи, душенька. Незачем.

Иххо обернулась. На тропе, полускрытая низкими голыми ветвями, стояла пожилая женщина. Небогато одетая – старенькое в тёмно-серую клетку длинное пальто, скромная шляпка, стоптанные сапожки. Но очень к себе располагающая – тщательно уложенные седые волосы, лучистые морщинки в уголках светлых глаз, добрая улыбка.

– Не ходи, – повторила незнакомка хриловато. – Пустое дело это. Нет там ничего. Давно уж нет.

– Добрый день, – поздоровалась Иххо и неловко уточнила: – Сейчас – ничего, а раньше же что-то было? Иначе зачем тогда мост?

Женщина одобрительно кивнула:

– Когда-то, душенька, там лечебница была. Для тех, знаешь, кто со странностями. До тебя ещё, да и до меня она работала. И островка тогда этого не было – Двести Десятый-то на самом деле часть Семьдесят Первого. А потом... Наводнение. Говорливая захлестнула. Сейчас-то речка тихая. Да-да, не улыбайся, тихая. А когда-то по весне она топила – и ой как топила, душенька. Много островков скрылось в её голубых водах – и живых островков, с домами и даже с людьми. Многих забрала река, пока колдуны не нашли на неё управу. Вот и лечебницу затопила – да смыла даже. А пороги эти – части стен и крыши на самом деле. Их пытались спасти, живых-то, но все в реку ушли. Совсем, милочка, ушли. Их кости до сих пор на дне – под камнями.

Девушка поёжилась – конечно, после такой жуткой смерти здесь всякое заведётся... Не зря отец предупреждал...

– А мостик родные погибших поставили, – продолжала незнакомка. – Река так буйствовала, что живых бы спасти. Все колдуны боролись с наводнениями, поэтому мертвецов долго не доставали со дна, а потом оно как-то забылось. Родные лишь и ходили на островок – как на кладбище. И мостик заколдованный смастерили, чтобы не смывало в половодье. А ты не ходи. Не надо. Туда и прежде лишь кровные могли пройти, а уж теперича... Не ходи. Плохое место. Всегда плохим было. И до тебя плохим, и до меня даже.

– Плохое? – повторила Иххо и предположила: – Там обитают призраки?

– Я слыхала, у детей островов есть такой дар – мёртвых чуют, – женщина улыбнулась. – Призраки, душенька. Призраки. Злые и со странностями. Сюда им хода нет – и воды боятся, и мост заколдован. Но гневить их не стоит.

Девушка прищурилась на незнакомку: по виду северянка и явно не местная. Хотя... Иххо продала дом и переехала почти четыре года назад. С тех пор здесь могли поселиться новые люди – остров спокойный, обитателей немного, и все друг друга знают. Отличное место для тех, кто ушёл на пенсию.

Так и не придумав, о чём ещё спросить, Иххо поблагодарила:

– Спасибо.

– Не пойдёшь? – строго глянула женщина.

– Не пойду, – пообещала Иххо.

– Хорошего дня, душенька, – незнакомка улыбнулась, развернулась и скрылась среди деревьев.

Со стороны моста донёсся решительный мяв – кот Колдун бесстрашно лежал на узких перилах и, несомненно, слышал весь разговор.

– Думаешь, надо сообщить начальству? – Иххо полезла во внешний карман сумки, где лежали писчие принадлежности.

Колдун снова мяукнул и сел.

– Дурное место? – достав блокнот, перо и чернильную склянку, девушка внимательно посмотрела на кота.

Золотые глаза опасно сощурились: да.

Иххо устроила сумку на перилах, открыла блокнот и коротко изложила суть дела. Кот сжал письмо в зубах и легкомысленно сиганул с перил в бурлящую воду, успев в полёте открыть протоку. А когда он исчез в чёрной луже, девушка снова перекинула сумку через плечо и задумчиво погладила перила моста.

– Почему же мне туда нельзя? – спросила она негромко. – Потому что призраки со странностями? И только-то?

Девушка шагнула на мост и сразу ощутила, как под пальто нагрелась склянка с прахом предка. Она быстро расстегнула ворот и обомлела: прах светился.

И, отвечая, что-то заискрило и на мосту, и на острове – мелко-мелко, словно по воде пробежались лучи солнца.

– Вот и правильно, что заглянула, – Цюта, хозяйка родного дома Иххо, подлила в чашку чай, осторожно поставила горячий чайник на подставку и придвинула корзинку с печеньем. – Угощайся. Мы всё понимаем. Приходи в любое время. Может, всё-таки пообедаешь?

Иххо, снова смутившись, неловко отказалась и взяла печенье – исключительно чтобы не обижать радушную хозяйку.

Ни обеденных, ни даже чайных на Семьдесят Первом острове не было, на соседних островах – тоже, а холодная погода не располагала к длительному ожиданию на улице. Поэтому

Иххо решила пойти на обед в бывший родной дом. Удивительно, но её сразу вспомнили и искренне предложили чаю.

– Ты дом повидать или по делам? – любопытно посмотрела Цьюта.

Из соседней с кухней комнаты доносились перешёптывание, топоток, сопение и цыканье – дети подслушивали.

– По делам, – ответила Иххо. – Меня беспокоят Двести Десятый остров и мост. Нехорошее место. Я работаю в Сыском ведомстве, и сейчас мы как раз ищем разные странные и неприятные места.

– Нехорошее – не то слово, – закивала хозяйюшка. – Дурное оно. Благо у меня дети послушные, да и мост заколдован.

Пока Иххо здесь жила, она мало интересовалась местными легендами, а вот семья Цьюты наверняка в курсе. Приезжие часто знают о своём новом месте жительства больше, чем старожилы.

– А что вы слышали об острове? – осторожно спросила девушка.

– Крики я оттуда слышала, – Цьюта поёжилась и запахнулась в шаль. – Прежде слухи всякие – что там учреждение какое-то было, а потом его смыло наводнением и многие тогда погибли. Меня тогда больше интересовал мост – я лично проверила, что он заколдован. Больно хлипкий с виду, а река опасная. Проверила – точно, не пускает, как в стену упираешься. Я и успокоилась. А прошлым летом гуляла в сумерках и сама не поняла, как у моста оказалась. Клянусь, ни души на острове... но кто-то оттуда так кричал... Больше я туда ни ногой.

В дверь нетерпеливо постучались. Детвора, толкаясь и поругиваясь, наперегонки бросилась открывать.

– Дети очень любят гостей, а они у нас редкость, – улыбнулась хозяйюшка, вставая. – Это же за тобой? По работе? Ты заходи потом. В любое время, когда захочешь. Гнездо ведь родное.

Мьёл, как обычно, прибежал протокой раньше всех. Вежливо поздоровался, сходу отказался от чая и стянул с вешалки пальто Иххо:

– Вечереет. Пошли на мост быстро глянем. Может, и незачем начальство на ночь глядя гонять. Мастер Рьен дал нам час, и если не отпишемся, пригрозил, что приедет. Ему жутко интересно.

– Отсюда недалеко, – Иххо оделась, прихватила сумку и тепло улыбнулась Цьюте: – Спасибо вам. Обязательно ещё зайду. До свидания.

– Удачи, – ответно улыбнулась хозяйюшка и обеспокоенно добавила: – Вы там не разворошите ничего. Пусть кричит кто-то иногда, но зато безопасно.

– Не волнуйтесь, мы только посмотрим, – бодро отозвался Мьёл.

А когда они покинули дом и быстрым шагом отправились к мосту, колдун уточнил:

– Кто была эта женщина? Которая рассказала про лечебницу?

– Не знаю, – Иххо вдруг поняла, как сплеховала, и покраснела. – Забыла спросить...

Никудышный из неё всё-таки сыскник...

– Раз не знаешь, то она не местная, так? – Мьёл не стал комментировать её оплошность.

– Нет, – расстроено подтвердила девушка. – Я здесь выросла, а уехала почти четыре года назад. Остров маленький, все давно знакомы, но эту женщину я точно видела впервые.

– Уже что-то, – кивнул колдун. – Вряд ли в такое холодное время сюда будут приезжать с соседних островов просто погулять. Найдём.

Впереди между деревьями мелькнул просвет, и через несколько минут они вышли на берег.

– Вон тот мост, – показала Иххо.

– Северного колдовства не вижу, – прищурился Мьёл. – Но что-то есть, и оно или постоянно кем-то обновляется, или такое древнее, что даже наши туманы его не берут. Помолчим немного.

Он опустился на одно колено, зарылся пальцами в землю и зажмурился. Остро запахло рекой, и стало так сыро, что Иххо поёжилась и обхватила руками плечи. Под землёй что-то глухо забулькало, приток Говорливой возмущённо зашипел и задымил, камни заскрипели, а с островка донёлся отчётливый сдавленный вскрик. Явно человеческий.

Колдун открыл глаза – пугающе чёрные, выпуклые, влажные – и хрипло спросил:

– Женщина где стояла?

– Тут, – Иххо указала на место под деревом.

Земля вспучилась, а Мьёл качнул головой:

– Не было там никого. Следов нет.

– Призрак? – удивилась девушка. – Но я же их ощущаю! Вернее...

– Ты силу в них ощущаешь, – колдун встал и встряхнулся, как мокрый пёс, разбрызгивая чёрные капли. – Архивариуса же нашего как призрака не опознала? А про кости тебе не соврали – их под водой много. И остров по-прежнему целый, просто его часть ушла под воду. Но самое интересное, что в защите нет ни капли северного колдовства, даже древнего. Ничего водяного. Покажешь фокус с пеплом?

Иххо поднялась на мост и достала сияющую склянку.

– Прах к праху... – Мьёл сощурился, изучая блики на противоположном берегу. – Это может быть ключ... или нет. Погоди, слепок сделаю, начальству покажу. И ты потом своим старым колдунам покажешь. Это всяко ваше колдовство. И, кажется, южное здесь тоже есть. Защита неоднородная.

Чёрные ручьи разбежались по земле, поднялись выше моста, а после дружно юркнули в подставленную склянку. Колдун спрятал её в карман куртки, протянул руку, шевельнул пальцами, и в его ладонь с сердитым шлепком плюхнулся крупный голубоватый комок – Иххо едва успела заметить, как он выскочил из притока Говорливой.

– А ещё интереснее защиты память, – Мьёл перелил комок во вторую склянку. – Вода помнит всё. Вообще всё. Но вперемешку – в одной капле может быть и память о наших днях, и то, что было триста лет назад. Поэтому мы очень редко в ней копаемся. Но серьёзные и страшные события мы видим – знаками. В этой воде памяти о чём-то страшном нет.

– То есть никакого наводнения не было? – насторожилась Иххо, пряча пузырёк с прахом.

– Посмотрим, что найдётся в архивах, – колдун позвенел склянками и предложил: – Сворачиваемся? Я боюсь использовать здесь сильные заклятья – вдруг защиту сломаю. Пусть матушка Шанэ сначала призрака отловит и допросит. И защиту изучит. И ты со своими поговоришь. Сломать-то не проблема, – он шаркнул подошвой сапога по земле, открывая протоку. – Кстати, мы ещё к твоим забежать успеем.

Иххо терпеть не могла протоки – ледяные, сырые, сумрачные, а главное, непонятные. Она каждый раз терялась в огромном пространстве, наполненном маленькими островками и кукольными домиками без единого указателя. Мьёл, правда, показывал свои метки – крохотные огоньки, по которым он находил нужные острова, улицы или дома, – но огоньки были чёрными. Поэтому без проводника она отказывалась ходить протоками, хотя колдун давно всучил ей несколько склянок с нужным заклятьем.

– Дядюшка Эссо живёт на Сорок Восьмом острове, и без предупредительной записки к нему нельзя, – напомнила девушка. – Пишу?

– Да, – кивнул Мьёл. – Скажи, через полчаса будем. Мне ж ещё перед начальством отчитываться.

Дядюшка Эссо был очень стар, с трудом передвигался и много спал – и именно поэтому просил всегда заранее предупреждать о приходе. Пока он проснётся, пока встанет, пока разомнётся, умоется и переоденется... У молодого и здорового человека столь простые вещи отнимут минут десять, а дядюшка только час пытался проснуться.

Однако сегодня он за весь день даже не прилёт – как чуял, что понадобится. И на записку Иххо сразу ответил коротким: «Жду», и чай успел вскипятить, и сыскников на пороге встретить – на стуле у входной двери.

– Добрый вечер, – беззубо улыбнулся гостям дядюшка Эссо. – Проходите. Что за срочность?

Со времён поисков мёртвого источника вся сыскная команда взяла над дядюшкой опеку: Иххо регулярно убиралась в его доме и готовила, а парни таскали продукты (и Мьёл чаще всех, потому что ходил протоками и очень любил поговорить об островном колдовстве). И сейчас Иххо первым делом хозяйственно огляделась и взялась за уборку, а Мьёл сел за стол и быстро изложил суть дела.

– Посмотрите на защиту, – колдун раздавил склянку. – Она точно ваша и немного южная. Но ваша, островная, больше.

Дядюшка Эссо уставился на слепок и изумлённо охнул:

– Ну и ну!

– А поподробнее? – насторожился Мьёл. В дядюшкином возгласе ему почудилось узнавание.

– Это защита кладбищ, – старик поднял трость. – Забор. Видишь рисунок? Иххо, посмотри, – и он начал водить концом трости от блика к блику как от звезды к звезде, словно новое созвездие показывал.

Водяное изображение зарябило, блики расплылись, и рисунок проступил чётче: островок опоясывало пять каскадных стен – ближайшая к реке чуть выше Мьёла, и каждая следующая выше предыдущей в два раза. И к поручням моста тоже прилагалось по высокой стене.

– Защита неполная – стёрлась со временем, – дядюшка Эссо опустил трость. – Нет купола ни над стенами, ни над мостом. Это непростая защита. Это, если хотите, тюрьма. Для призраков. Так наши предки запирали провинившихся, закрывая им путь в великую пучину.

– И запрещая помогать своим? – поняла Иххо.

– Это держало колдунов в узде лучше любых законов и запретов, – просто ответил старик. – Раньше. Мы не ставим такую защиту уже очень давно. Тайна её создания ушла под воду вместе с нашими островами. Я, честно говоря, удивлён, что она сохранилась – здесь. Разрушенная, но всё ещё рабочая. Над её созданием должно было потрудиться колдунов двадцать, не меньше. И не один десяток лет. За этими стенами и казнили, и хоронили, и запирали души. Но раз купола нет... Духи, скорее всего, вырвались на волю – давным-давно. И южное колдовство здесь очень кстати. Но о нём вам подробнее южане расскажут.

– А позже на старых костях поставили лечебницу? – нахмурился Мьёл. – Да там же и здоровый с ума сойдёт.

– Иногда бывает наоборот, – дядюшка Эссо внезапно улыбнулся. – Близость смерти кого-то сводит с ума, а кому-то, наоборот, вправляет мозги. Но ты прав, Мьёл. Сначала мы бросили своё кладбище – или всё же перенесли, – а после землю прибрали к рукам северяне. Наша защита не пропускает лишь мёртвых. На живых она не действует.

– А сейчас действует, – возразила Иххо.

– Тогда это южане своего добавили, – старик качнул головой. – Северной силы нет? Тогда точно южане. Больше ничего нашего я не вижу. Защита пепла – и всё на том. Разрушенная. Но островок бы проверить. Кто-то мог и задержаться. На чай останетесь? – встрепенулся он.

– Вообще-то... – начал Мьёл, но осёкся под строгим взглядом Иххо.

– Очень ненадолго, – она стянула с подноса полотенце и расставила на столе чистые чашки.

– Работа-работа... – крякнул дядюшка Эссо и завистливо вздохнул: – Эх, скинуть бы мне годков десять – с вами бы по островам бегал... Надолго не задержу. Глотните горячего да по делам.

– Я к вам после зайду и всё расскажу, – пообещала Иххо, разливая чай.

А Мьёл собрал слепок в чистую склянку и заметил:

– И старые островные кости, и затопленная лечебница для безумцев... Представляете, *какие* призраки могут прятаться на острове?

Матушка Шанэ отказалась объяснять, что за южное колдовство вплелось в островное.

– Надо посмотреть да пощупать, больно его мало, – сказала она уклончиво. – Завтра съезжу и завтра же сообщу. Да, сынок, съезжу. Протокой не пойду. Не люблю их, ты же знаешь. Да и соскучилась по прогулкам. Дело терпит. А вам и без моих выводов будет чем заняться, верно?

– Поднимем историю островов – и Семьдесят Первого вообще, и Двести Десятого в частности, – отозвался Рьен. – И ещё есть время достать Городской архив и то отделение Городского ведомства, которое занимается делами лечебниц. Кладбищенскими, кстати, тоже. Спасибо за ужин, матушка.

Он встал и засобирался. Его помощники, за ужином больше говорившие, усердно заработали вилками. Дело назревало интересное, и работать хотелось всем.

– Пойду к себе, – матушка Шанэ тоже встала из-за стола. – Раньше лягу – раньше встану и доберусь до острова.

– Я к вам Улло пришло, – Рьен надел шляпу и взялся за дверную ручку. – Не спорьте. Как соберётесь, напишите, и через десять минут он будет ждать вас у ближайшего причала.

Однако, проводив гостей, закрыв чайную и поднявшись к себе, матушка первым делом выпустила помощников-псов.

– Вы знаете, куда идти и кого искать, – она зажгла свечу. – Но в драку не лезьте. И за защиту не лезьте. Просто найдите.

Псы песчаным ветром просочились в оконные щели, а матушка Шанэ достала из верхнего шкафчика пару мешочков с песком и вернулась за стол. Посмотрела на ровное голубоватое пламя и сосредоточенно закрыла глаза. Минута – и зашумел в голых ветках ветер, пополз по тропе туман, заворчала в отдалении неумолчная Говорливая, закутались в ночной сумрак дома, торопливо гася огни в окнах, и заморгали сонно фонари на оградах.

А вот и берег. А вот и мост. Но псы до него не добрались. Из тумана поднялась невысокая фигура и сердито сверкнула светлыми глазами.

– Прочь пошли! – зашипела она, и вокруг неё взметнулся песок. – Прочь! И ты, – светлые глаза уставились на матушку, – не смей. Не тревожь. Хуже будет.

Матушка Шанэ и не стала будить лихо – сейчас. Она отозвала псов, откинулась на спинку стула и долго-долго смотрела на трепещущий огонёк.

Эта женщина – не просто призрак. Это помощник южного колдуна. Старый. Очень сильный. Свободный – ведь лишь помощники без хозяина имеют человеческий облик. Да ещё и с северной внешностью и колдовским песком. Кем-то привязанный к древней островной защите. Вот задачка так задачка...

Нет, пожалуй, с утра надобно навестить Рьена – пусть нарисует с её слов и со слов Иххо портрет незнакомки. Со свободным помощником лишь так и можно справиться – надавить на слабые места, заставить отступить от цели, направить силу в иное русло. Или себя – в иной мир. Иначе с ней даже все её шестеро помощников не сладят. Даже со всеми дочкиными помощниками на подхвате.

А пока есть время до полуночи...

Матушка достала из шкафчика обёрточную бумагу и взялась собирать подарки – еду, пакеты с чаем, тёплые носки и перчатки, кошельки с деньгами, записки с именами и адресами работы. Дорога до острова и обратно длинная, так почему бы не сделать по пути ещё одно

полезное дело? Потеплело, и на улицы Семиречья вернулись бродяги, а им больше других требуется пища, работа, денежка и чай для души.

Глядишь, и вернётся добро. Бродяги порой знают о проклятых местах куда больше добродетельных горожан, которые привыкли делать вид, что живут в безопасности.

Сыскной лодочник Улло отличался молчаливостью и непоколебимой невозмутимостью. Вот уже седьмой раз матушка Шанэ просила его причалить к берегу, чтобы одарить очередного скитальца, а Улло и бровью не повёл. Лишь кивал и молча причаливал, ждал, отчаливал, а на лице его не было ни тени недовольства или осуждения. Даже когда матушка осторожно спросила, можно ли вон того малого до ближайшей больницы подвезти – она как скрючило бедолагу, точно чего-то дешёвого или пропавшего поел, – Улло лишь снова кивнул и молча причалил. Да ещё и помог несчастному спуститься в лодку, а потом, когда они добрались до ближайшего крупного острова, без лишних просьб сопроводил бродягу до больницы.

– Святая ты душа, сынок, – благодарно улыбнулась матушка Шанэ.

А Улло отвязал лодку, достал склянку с заклятием ветра и неожиданно сказал:

– Я сам такой же был, матушка, всего-то десять лет назад, только с лодкой. Где и жил, и работал, пока меня один добрый сыскник не приметил. Сейчас я три дня работаю – после два отдыхаю. Если хотите, один выходной весь ваш, только напишите с вечера.

– Договорились, – кивнула матушка.

С такими перерывами они добирались до Семьдесят Первого острова не два часа, а все четыре. Зато матушка Шанэ раздала почти все свои подарки, успокоилась и поняла – почти поняла, – что делать с призраком. Она ведь тоже обездоленная, это несчастная женщина. Тоже бездомная. Тоже покинутая. То есть ей надо что-то предложить, но что? Помогать новой хозяйке она вряд ли согласится – после свободы-то. И не уйдёт, пока дело держит. И отказаться от него не посмеет.

Так что же?..

Улло остался в лодке, а матушка быстро добралась тенистыми извилистыми тропками до моста. И призрак тоже пришёл быстро.

– Я же просила... – прошипела незнакомка, едва матушка Шанэ дотронулась до перил.

– Давай не будем устраивать безобразную свару, – миролюбиво предложила матушка, обернувшись. – Ты наверняка знаешь, что я с тобой не справлюсь, даже если ты моя – убитая. А я знаю, что ты не справишься со мной – особенно если ты моя, убитая. Проверим?

При виде свечи призрачная женщина дрогнула.

– Как тебя зовут? – матушка Шанэ всё поняла и вернула свечку в карман.

– Нет, такого козыря я тебе не дам, – криво усмехнулась незнакомка. – Ты же меня найдёшь. Всё обо мне узнаешь. И снова придёшь разговоры говорить. Лучше уходи. Ты права, мне с тобой не сладить. Но и ты не рискнёшь подчинять – не те уж силы-то. Ничья, душенька. Уходи по добру по здорову.

Матушка качнула головой:

– От этого места я не отступлюсь. Я хочу вычистить это гнездо призраков. Кто там заперт?

Женщина нахмурилась:

– Хорошие люди. Не злые. Но дурные. Совсем дурные, милочка. И многие из них до сих пор не понимают, что умерли. Хоть с Лодочником приди – они не поймут, что за ними. Упрутся. Взбесятся. Они неплохие, но очень опасные. И своим непониманием, неприятием даже больше, чем накопленной колдовской силой.

– Но ведь ничто не вечно, – заметила матушка Шанэ, рассеянно поглаживая деревянный поручень. – Всё разрушается, и древние преграды тоже. Я не смогу забыть об этом месте. Не смогу ничего не сделать. Я всю жизнь защищаю людей от призраков и от этого островка отвернуться не смогу.

– Если ты столь же знающая, сколь опытная, душенька, – незнакомка склонила голову набок, – если и впрямь защищаешь... Думай. Я не солгала той рыженькой девочке ни словом. Здесь была лечебница для безумцев. Стены смыло, а души остались – всё те же безумные. И я вместе с ними – тоже защищать живых. Думай. Если найдёшь способ... я помогу. Я всё сделаю. Но сначала убеди меня, что справишься. Расскажи и докажи. Меня никуда направлять не надо – я знаю дорогу. Сама уйду. Но лишь когда на месте этого островка останется обычный островок.

– А что ты знаешь о кладбище островитян и их защите? – поинтересовалась матушка осторожно.

– Почуяла рыжая, – усмехнулась призрачная женщина. – Почуяла своё. Ничего не знаю, душенька. Вот как есть ничего. До недавнего времени здесь всё было только южное. Но пришла рыженькая – и что-то случилось. Что-то пробудилось. А что именно – копайте сами.

– Но чужаков среди твоих нет? Там? – матушка Шанэ указала на одинокий островок по ту сторону моста.

– Нет, – твёрдо сказала незнакомка. – Только все мои.

– Благодарю, – матушка склонила голову. – Без причины больше не потревожу. Но если я найду решение, будь добра вспомнить о своих словах и помочь делом.

– Мастер, извините... – Иххо влетела в начальственный кабинет. Она тяжело дышала и даже забыла привычно постучаться.

– Что случилось? – Рьен поднял голову от бумаг.

Съят с Мьёлом дружно обернулись. Они полдня разбирали бумаги, присланные из архивов, и были не против передышки.

– М-мастер Гьюш... не в себе, – нервно объяснила Иххо. – С утра он бродил по архиву и что-то бормотал, а теперь уже час как мечется. Бормочет, что от него что-то скрыли, что спрятали и заколдовали, и не может понять, где и что именно. Я не могу до него докричаться, он меня не слышит. Может, у вас получится? – она с надеждой посмотрела на начальника. – Вас он уважает. Вас он услышит.

– Пойдём, – Рьен отложил бумаги и встал. – Съят, ты сколько в нашем архиве тайных ниш нашёл?

– С тех пор как с вами работаю – пять, – охотно отозвался рыжий. – А Мьёл их взломал. Но точно есть ещё. Просто на картах они не обозначены, и наткнуться на них можно только случайно.

– Зачем? – удивилась Иххо. – Зачем в архиве тайники?

– Версий много, – Рьен на всякий случай прихватил папку. – Но во всех тайниках были найдены недостающие данные из дел нераскрытых или закрытых за недостаточностью улик. Мой бывший наставник говорил, что это всё сыскная совесть. Убрать из дела пару важных документов и согласиться на взятку совесть позволила, а вот уничтожить улики – уже нет. Поэтому нужные сведения прятали, чтобы однажды они всплыли вместе с правдой. Но это лишь предположение. Одно из.

– А ещё так кто-то перестраховывался и защищался – вроде пока данные на руках, никто не тронет, – добавил Съят. – Но потом что-то случалось – и тайник лишался хозяина. И забывался, и терялся. А лет через двадцать-тридцать случайно находился.

– Или какой-нибудь колдун решил выслужиться, покопался одиночкой в старом деле, нарыл, припрятал, чтобы ещё поискать, но не сложилось, – подхватил Мьёл. – Поэтому тайники все крепко заколдованные по нашим правилам и от нашего поиска. По ним можно десять раз ударить и всё равно не понять, что там ниши. Нам с вами, мастер?

– Да, – кивнул Рьен. – Вдруг и впрямь тайник ломать придётся.

Он первым вышел из кабинета и направился к лестнице в архив, колдун – следом. А Сьят поравнялся с Иххо и прошептал:

– Лечебница была. Кладбище островных – тоже. Но ни о первом, ни о втором не осталось вообще никаких уточняющих сведений. Только факт – да, были. Однако нашим Двести Десятым островом постоянно интересуются – Семиречье разрастается, люди прибывают, а земли больше не становится. А Двести Десятый – отличное место для особняка: участок как раз на один дом с садом, соседей нет, остатки причала есть, а за необходимыми покупками всего-то через мост перейти. Поэтому в Городском ведомстве давно насобирали сведений об этом островке – объяснять, почему там жить нельзя, а земля ни продаётся, ни сдаётся. Но сведений этих... шиш да маленько.

На подвальной лестнице даже шёпот звучал громко, и рассказ Сьята, конечно, слышали все.

– И на том спасибо, – хмыкнул Рьен, первым быстро спускаясь по ступенькам. – Ведомственные и эти огрызки десять лет по всем архивам искали. Если бы не они, неизвестно, сколько бы мы копались, чтобы проверить слова призрака.

Из подвала послышались раздражённые ругательства вперемешку с жалобными стенаниями и нервным бормотанием.

– Слышите? – расстроено спросила Иххо. – Он такой с обеда.

Рьен ускорился и через пять минут оказался в подвале.

– Мастер Гьюш! – окликнул он.

Призрак, услышав начальственный окрик, сразу же замолчал и затаился. А Рьен пошёл от ниши к нише и через минуту обнаружил старого архивариуса под столом.

– Мастер Гьюш, выходите, – сказал Рьен строго. – Что случилось?

– Дёргает, не могу... – призрак по-детски шмыгнул носом и неохотно вылез из-под стола. – Вот когда живой был, у меня так спину дёргало. Знаете, не так наклонись, что-то щёлкнет и как заболит-заболит... Вот оно так же, вот зовёт что-то, а откуда и почему – не понимаю...

– Давайте вместе поищем, – предложил Рьен. – Вдохните, выдохните, успокойтесь. И прогуляемся по архиву. Тут полно заколдованных тайников – вы же знаете? Знаете. Вам просто нужно расслабиться, пройтись и понять, в каком месте дёргает. И рядом с какой нишей, или комнатой, или стеной у вас... защемило. Если не сразу поймёте и найдёте – ничего страшного. Время терпит, и у нас пока нет срочных дел.

Призрак, конечно, не имел тела, но упражнение «вдох-выдох» ему удивительным образом помогло. Он немного успокоился, неуверенно огляделся и первым, медленно и осторожно, точно пытаясь нащупать невидимые преграды, заскользил по коридору. Рьен отправился следом, махнув помощникам – мол, ждите тут.

– По старым справкам, на Семьдесят Первом исстари жили островитяне, – снова зашептал Сьят, когда троица расположилась за столом в ближайшей рабочей нише. – Там поселилось несколько семей ещё до того, как с вашими Пропадшими островами случилась известная беда. Собственно, я по той же причине рыжий – мои предки ушли с Пропадших островов и обосновались на Севере задолго до беды. Бабка говорила, на островах всегда было очень беспокойно из-за вулканов, поэтому те, кто работал с пеплом, уходили на поиски спокойных мест, а вот морские колдуны держались до последнего.

Иххо кивнула – эту историю она тоже слышала.

– Откуда взялось то самое наводнение – неизвестно, однако после него Семьдесят Первый остров лет сто находился под водой – полностью, – продолжал Сьят. – Уцелели ли его жители, успели ли перенести кладбище – неизвестно. А потом Говорливую усмирили, остров поднялся на поверхность, но так и остался разделённым на две части.

– Да не было там никакого наводнения, – проворчал Мьёл. – Я смотрел воду – не было. Они сами не поняли, что случилось, и чего-то насочиняли для отчётов, писаки...

Из коридора донеслись негромкие голоса: Рьен что-то спрашивал, а мастер Гьюш отвечал. Но, судя по удаляющемуся разговору, нужного они пока не нашли, и рыжий вернулся к истории.

– Мьёл, не нуди: было – не было... Пока я излагаю одну версию. Так вот. Остров долго пустовал – люди боялись новых наводнений. Но прошли годы, река Говорливая не буйствовала, и Семьдесят Первый потихоньку заселили, а его огрызок, Двести Десятый, отдали под постройку лечебницы – случилось это около двухсот лет назад. А просуществовала лечебница едва ли лет тридцать – смыло. При этом Семьдесят Первый практически не пострадал, поэтому его обитатели остались жить на прежних местах. А вот на Двести Десятый наложили запрет, и с тех пор его отказываются и продавать, и сдавать, хотя желающих много. Но во-первых, есть риск наводнения, а во-вторых, странное колдовство, которое не пускает живых даже на мост.

– С другой стороны к острову тоже пытались подобраться, – дополнил Мьёл. – Там сохранились остатки причала. Но остров и там неприступный. Ни у кого не получилось зацепиться за причальные столбы, даже у колдунов. Тогда-то и вспомнили про островных с их кладбищем. И решили, что это какие-то древние колдовские фокусы и лучше туда не соваться. Не пускают – значит, так надо. Есть из-за чего стеречь остров.

– Однако дело-то не в кладбище и не в заклятиях островитян, ведь лечебницу же построили, – заметил Сьят. – И люди заколдованным мостом пользовались лет тридцать точно. А потом вдруг стало нельзя. Из-за чего же?

Иххо поколебалась и предположила:

– Та женщина, призрак... Раз она сторожит опасных духов, то она и защиту от них поставила. Или какой-нибудь южный колдун поставил, потому что сам не смог справиться с тем, что скопилось на острове. А если был колдун... то этот призрак женщины – его помощник. Вроде матушкиных псов. Наверное.

Сьят тонко улыбнулся и сказал:

– А вот я думаю, что нет там никаких опасных призраков.

Иххо и Мьёл уставились на него недоверчиво и скептически.

– Знаю-знаю, – фыркнул рыжий. – Я не колдун, и у меня даже в родне никого нет. И в колдовстве я не разбираюсь, и в призраках тоже. Однако. Вспомните призрак Киззо, которого не смог поймать ни один матушкин помощник – даже поймать, я уж не говорю про одолеть. Сколько он копил силу? Сто тридцать лет, если мне не изменяет память. Сколько копили силу предполагаемые призраки из лечебницы? Даже больше. И их на острове было много. Вам не кажется, что однажды они смяли бы и защиту, и эту стражницу? Купол-то разрушился, и остров купался в туманах. А вытягивающие силу южные заклятья недолговечны, я узнавал. И они плохо держатся на предметах, требуют постоянного обновления.

В коридоре послышались приближающиеся голоса – спокойный Рьена и нервный архивариуса. Иххо с Мьёлом переглянулись и промолчали.

– Защита островных удерживала призраков на месте и не отпускала в пучину, – Сьят опять взялся за своё. – Но вот лишала ли она их колдовской силы? Позволяла ли её копить? Или нет?

– Не знаю, – Иххо расстроилась, что не уточнила этот момент. – Но если и не лишала... Она же изнасилась со временем. Ничто не вечно. К тому же остров дважды тонул, а реки высасывают силу даже из заклятий древних умельцев. Думаю, защита уже после первого погружения истончилась, и потом южане просто поставили заплатки. И охранника.

– А призраки покорно ждали, когда их запрут? – подхватил рыжий. – И потом почти двести лет сидели смиренными баранами с бездной силы? Лично мне в это не верится. Даже если вспомнить, что погибли безумцы, привыкшие к заточению... всё равно не верится.

– Мне тоже, – согласился подошедший Рьен. – Не переживайте, мастер Гьюш, мы всё найдём. Здесь тихо? Разворачиваемся и идём обратно. Снова. Спокойно, мы всё найдём. Сьят, я полностью с тобой согласен. Матушка, конечно, умеет вытягивать из призраков лишнюю силу, но это она. Колдунья. Её помощники в таком деле замечены не были. Продолжай.

– А у меня всё, – развёл руками Сьят. – Дальше – только фантазии, но и для них данных не хватает.

– Найдём. Всё найдём, – повторил Рьен, разворачиваясь, и скомандовал: – За мной, мастер. И давайте без паники.

– То есть призрак меня обманул? – Иххо нахмурилась. – Но она казалась такой открытой, такой честной...

– Она не обманывала, – раздалось со стороны лестницы, и матушка Шанэ спустилась по последним ступеням, шагнула в коридор. – Она говорила ту правду, в которую верит. Такое бывает, дети: человек искренне верит в ложь и преподносит её как правду. И язык потом не повернётся упрекнуть его во лжи – для себя-то он не соврал. Он честно рассказал о том, что думает и во что верит, и неважно, что это неправда. Для него – неважно.

– Матушка, вы что-то узнали! – подскочил Сьят. И указал на свой стул: – Присаживайтесь. Я себе сейчас принесу.

– Сьят считает, что сейчас никаких призраков на острове нет, – Мьёл тоже встал и помог матушке снять пальто. – Что они, возможно, давно прорвали защиту и разбежались, потому что обожрались силой, а объевшиеся сильнее даже ваших помощников. Так?

Матушка Шанэ устроилась за столом и степенно ответила:

– Некоторые сильнее, некоторые нет. Мои-то ребятки силу не копят. Мы их сдерживаем и ограничиваем, чтобы не сорвались. А обычные призраки с каждым годом всё сильнее. Однако мои берут колдовским опытом, сноровкой и выучкой. И моей поддержкой. Но, к сожалению, не всех, а лишь убитых, если вам вздумалось припомнить старика Киззо.

– И всё-таки: есть на острове призраки или нет? – поставил вопрос ребром Сьят.

– Я в сомнениях, – вздохнула матушка, кутаясь в шарф. – Видишь ли, я чувствую призраков. Мои помощники чувствуют призраков. На небольших расстояниях... но от берега до берега через Говорливую всего ничего. По словам стражницы, призраков на островке скопилось много, но когда я стояла у моста, то не ощутила ничего. И с тех пор я в сомнениях: то ли стражница так сильна, что перебивает ощущение остальных... то ли ты прав: Двести Десятый остров пуст.

– И этот призрак – тоже ненормальная? – с любопытством посмотрел Мьёл. – Она думает, что сторожит толпу злобных тварей, а на самом деле караулит пустоту, потому что... того?

– Иногда, сынок, людям надо во что-то верить, – матушка Шанэ улыбнулась. – Без веры цель безжизненна, а жизнь бесцельна. И призракам тоже надо во что-то верить, чтобы оправдать своё странное существование. Если и так, если она в своём безумии сторожит пустоту, – не осуждай. Может, именно эта цель стражницу и сдерживает. Без неё, безумная и переполненная силой, она невероятно опасна. Может, именно себя – тёмную и безумную свою суть – она оставила на острове под древней защитой и собственной охраной. Но всё это ещё надо доказать.

– Мьёл! – донеслось из коридора начальственное.

– Нашли! – колдун подскочил, уронив стул, и умчался вглубь архива.

А Сьят воровато огляделся и торопливо сказал:

– У меня мысль. Иххо, вот ты можешь через прах в своей склянке призвать дух отца. А как насчёт призыва духов тех, чей прах стал защитой острова? Для этого твой колдовской прах сгодится? Боюсь, если мы зашлём на остров котов, стражница... обидится. А как иначе узнать, что там происходит – и происходит ли что-нибудь?

– Совершенно верно, сынок, призрака тревожить не стоит, – подтвердила матушка Шанэ. – Не ровен час, сорвётся. Что касается праха в склянке, то наверняка это ключ к миру

мёртвых – такой же, как мои пески. Прах к праху – и дверь откроется, позволяя хотя бы поговорить с усопшими. Только место надо выбрать удобное – поближе к островку и подальше от моста. Подумаешь, дочка?

– Я никогда никого не вызывала через прах, – Иххо поёжилась. – Папу тоже. Но у меня теперь два наставника из островных, и если они что-нибудь об этом знают... Попробовать можно.

– А с Рьеном ты этот путь обсуждал, да? – остро глянула матушка.

– Это случайная идея, – признался Сьят. – Только что придумал. Вот взломают тайник – и обсудим.

Дрогнули стены, заметались под потолком красные светильники и сильно запахло рекой – Мьёл вдохновенно взялся за тайник. И пока колдун иступлённо ломал старую защиту, матушка Шанэ, Сьят и Иххо молчали да переглядывались. Да ждали вестей.

Через полчаса они услышали голос мастера Гьюша – призрак громко благодарил реки, судьбу, колдовскую силу и терпеливое начальство. А после – звук торопливых тяжёлых шагов, тихий разговор и явственный шелест страниц.

– Смотрите, как интересно дело складывается, – Рьен положил на стол стопку тонких и удивительно целых, будто вчера сшивали, папок. – Откройте верхнюю.

Сьят торопливо открыл, и матушка с Иххо дружно ахнули при виде чернового портрета.

– Стражница, что ли? – сообразил рыжий, уставившись на строгое чёрно-белое лицо.

– И когда-то она служила в Сыскном ведомстве, – дополнил Мьёл. – Сильная была колдунья, пока дар не иссяк.

– В остальных папках тоже дела колдунов, – Рьен заходил вдоль стола. – И тоже иссякшие. Мьёл, что с внезапно иссякшими колдунами случается?

– С ума сходят, – мрачно ответил колдун. – Но не все. По статистике, каждый пятый не понимает, что дар иссякает, а когда вода замолкает... пытается вернуть дар. Всякими разными способами.

– И даже идут на поклон к южанам? – прошептала матушка Шанэ.

– Кажется, колдующим призраком быть приятнее, чем живым калеккой, – скривился Мьёл.

– Думаю, не было там лечебницы, – Рьен остановился. – Был закрытый храм для спятивших сотрудников Сыскного ведомства. Сведений о котором, конечно, нигде нет.

– И наводнения не было, – колдун упрямо скрестил руки на груди. – Не было, мастер, я проверял воду. Ни первого, ни второго. Стихийные бедствия, особенно с жертвами, в воде видны. А вот колдовство – нет. И если остров затопили колдуны, это за бедствие не считается.

Повисла тишина, которую тревожил лишь шелест страниц – Сьят торопливо листал папку за папкой.

– Получается, вторым наводнением просто убрали и лечебницу, и опасных колдунов? – рыжий поднял голову от бумаг. – А зачем устроили первое?

– Место хорошее, – предположил Рьен, – и занято пришлыми чужаками. Земля в Семи-речье во все времена ценилась высоко, и из-за неё и подставляли, и убивали. Или всё-таки там обитало что-то опасное, и наши колдуны предпочли затопить остров на сотню лет в надежде от этого избавиться.

– Но не вышло, поэтому на месте бывшей лечебницы поставили призрачного охранника – из бывших же её обитателей? – матушка встревожилась. – Тогда там точно что-то опасное уцелело. Ещё со времён древнего кладбища островных. Южный колдун мог заметить опасность, но побоялся с ней связываться. И просто прикрыл защитой островок и мост, когда колдуны в очередной раз решили утопить неведомое. Да снова не получилось.

– Значит, мне точно надо поговорить с кем-нибудь, чьё тело стало прахом и защитой, – ровно сказала Иххо и встала. – Можно, мастер? Мне надо обсудить это с наставниками. Я не знаю, как призывать душу к её праху.

– Пошли провожу, протокой быстрее, – Мьёл тоже встал.

– Я объясню, – торопливо заверил Сьят в ответ на недоумённый начальственный взгляд.

– Надо написать колдунам, – Рьен сел на свободный стул. – Не верю, что у них нет никаких сведений. Да, в лечебнице обитали наши, но кто за ними присматривал? Кто охранял лечебницу? Кто, в конце концов, дважды затопил остров? Мьёл!

– Что? – колдун оглянулся.

– Сможешь затопить остров? – поинтересовался начальник.

– Смотря какой, – задумался Мьёл. – Мелкий на луну-другую утоплю. Такой, как Семьдесят Первый – точно нет, надорвусь. А вот его часть, которая сейчас Двести Десятый остров... Теоретически смогу, но ненадолго. Мало, мастер, утопить. Надо постоянно держать воду на нужном уровне, а это работа для команды – из пяти сильных колдунов или десятка средних. А чтобы уровень воды закрепился, особенно когда летом реки мелеют, нужно несколько сменяющих друг друга команд. Которые будут следить за уровнем хотя бы год. Потом река «запоминает» и сама держит нужный уровень – лет десять точно. А после остров опять придётся притапливать.

– Пишу колдунам, – кивнул Рьен. – Идите. Ну, Сьят, что у тебя за план с прахом?

Поздним вечером, когда ясную небесную синеву поглотила чернота, матушка Шанэ стояла на Старом мосту и невидяще смотрела вдаль. Её глаза мерцали голубым, а помощники, обходя призрачного сторожа, бродили по Семьдесят Первому острову.

– Почему я не ощущаю? – прошептала матушка. – Почему я ничего не ощущаю? Почему я тебя не чувствую? Где ты прячешься? Кто ты? Почему?..

И неожиданно услышала тихий голос за спиной:

– Потому что спящее скрывает силы, Шанэ. И потому что земля бережёт своих мёртвых. Ты почувешь призрака в доме, но не поймёшь, что он, спящий, хоронится в подполе. Не найдёшь, даже если пройдёшь над его лежбищем. Спустись вниз. Зажги свечу. И узнаешь.

– Бабуля... – матушка моргнула, и из её глаз покатались слёзы. – Бабуленька...

А тихий голос усмехнулся:

– Ну-ну, не горюй. Почитай уж лет десять как ушла. А что так и не увиделись... Я знала, что ты уедешь на Север навсегда. И дед знает. И все твои родичи. Коль позвали реки и захомутали – это на всю жизнь. Не горюй, говорю. Зато теперь я могу тебе помогать. Рядом буду, не спорь. Нам, верным служителям вечных песков, разрешено чуть больше, чем простым смертным. Дед почуял беду и позвал, я попросилась – и мне позволили. Страшная это история, Шанэ, с этим прахом. В островных колдунах всегда было слишком много мёртвой силы, а их десятилетиями казнили и закапывали в одном месте. Десятилетиями лишали души поддержки семьи и обрекали на одиночество во тьме. Знаешь, как эти островные умники наказывали преступников? Хоронили душу вместе с телом и навеки запирали её в каменных гробах. Чуешь, к чему веду?

Матушка Шанэ сосредоточенно кивнула. Ещё бы...

– Однако ж они все убитые, – продолжала бабушка. – Все твои. Но запомни: воевать с ними не надо. Если не набросятся – не надо. Шибко сильные – не сдюжишь. Бери не мощью, а истоком силы. Бери тем, что они твои и обязаны тебе подчиняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.